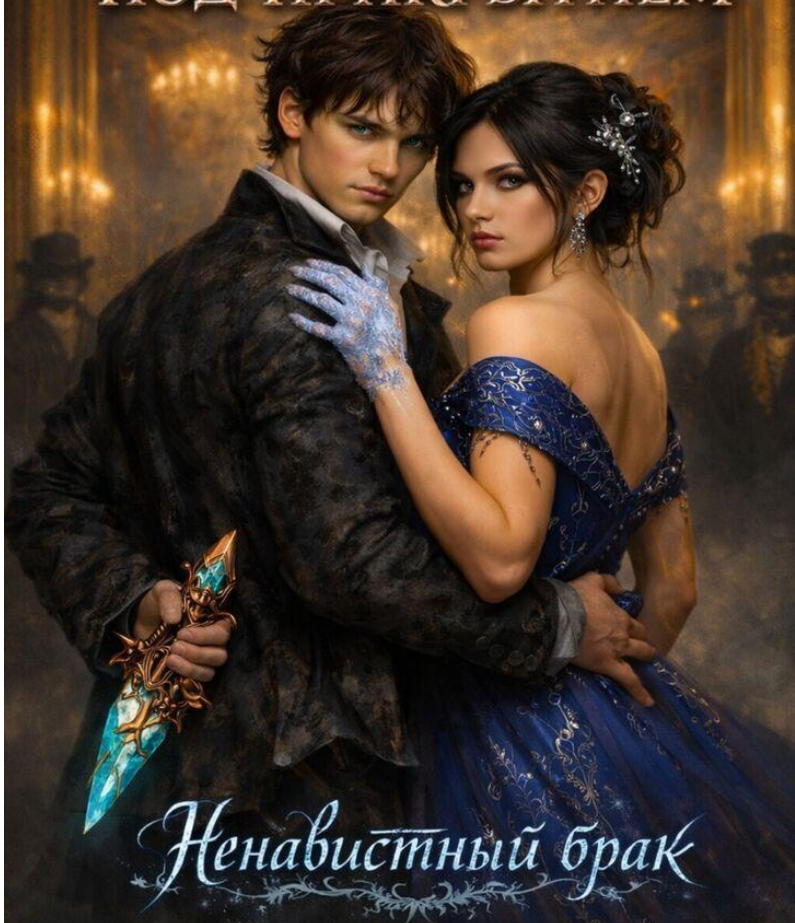

Юлия Туезова

18+ АСЛЕДНИКИ
ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Женавистный брак

Юлия Туезова
Наследники под прикрытием.
Ненавистный брак

<https://litres.ru/74154873>

ISBN 9785007022439

Аннотация

Я техномаг и наследник Архангелиона, а не актер, но мой новый проект — инсценировка брака с «железной леди» Дариной, наследницей Ведьмограда. План был прост: разыграть любовь, поймать шпиона и не сгореть от взаимной ненависти. Но когда фальшивые поцелуи вызывают реальную перегрузку систем, становится ясно — этот баг я исправлять не собираюсь. Спасение империи еще никогда не было таким... огнеопасным.

Содержание

Глава 1 Эволюция взаимной ненависти	5
Глава 2 Искусство взаимного саботажа	52
Глава 3 Противостояние	84
Глава 4 Подарок с двойным дном	122
Глава 5 Пыльный архив	152
Конец ознакомительного фрагмента.	161

**Наследники под
прикрытием.
Ненавистный брак**

Юлия Туезова

© Юлия Туезова, 2026

ISBN 978-5-0070-2243-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Эволюция взаимной ненависти

Покои Архангелиона в этот час напоминали декорации к какой-нибудь пафосной исторической драме, где всё залито золотистым светом, а герои обязаны говорить исключительно мудростями. Мои родители, Аля и Риан, сидели в креслах с такой благостью на лицах, будто они только что изобрели бесконечный источник маны, а не просто решили помучить своего десятилетнего сына ностальгическими байками. Мама, с её неизменными следами магических ожогов на ладонях — символом её героического прошлого, — сжимала руку отца так крепко, словно он мог раствориться в воздухе, если она ослабит хватку. Риан же, задумчиво покусывая губу, смотрел куда-то сквозь пространство, явно видя там не наши шикарные гобелены, а те пыльные коридоры академии, где всё начиналось. Для них это была священная история, для меня — очередной вечер, когда хочется провалиться сквозь землю от скуки и родительского умиления.

— Ты должен понимать, Адриан, — начала мама, и её голос стал таким тягучим, что у меня свело челюсть. — Наша клятва дружбы была не просто словами. Это был якорь в мире, который пытался нас уничтожить. Мы верили друг другу больше, чем самим себе.

Я только вздохнул.

— И это было безумно романтично, мам, я помню, — проворчал я, не отрываясь от своего занятия. — Примерно так же романтично, как застрять в лифте с голодным мантикором. Можно мне уже пойти?

— Терпение — добродетель будущего правителя, — наставительно заметил отец, хотя в его глазах промелькнула искра сочувствия. Он-то знал, что сидеть на месте для меня — пытка похуже всех проклятий Старой гвардии.

Пока они предавались воспоминаниям о том, как «магия текла в их жилах единым потоком», я занимался делом государственной важности. У меня в руках был «Глаз Эфира» — древний артефакт, который, по легенде, должен был предсказывать бури, но на деле только противно дребезжал по четвергам. Я аккуратно, стараясь не привлекать внимания, откручивал заднюю крышку украденной у садовника отверткой. Мне было плевать на его пророческие свойства; меня интересовало, почему внутри что-то так заманчиво щелкает. Если добавить туда пару медных жил и немного кристаллической пыли, эта штуковина могла бы транслировать сигналы на дальние расстояния. Или взорваться. Оба варианта казались мне куда более захватывающими, чем рассказы о том, как мама спасла мир от ректора Невельса и старейшины Радиоса.

Однако у моего триумфа был свидетель. Дарина.

Эта девчонка, дочь маминых друзей, сидела в углу на

жестком стуле, прямая как палка, и не сводила с меня своих ледяных глаз. В её руках был блокнот, в который она что-то строчила с такой скоростью, будто от этого зависела судьба империи. Каждое моё движение, каждый скрип отвертки фиксировались этим ходячим воплощением дисциплины. Она была младше меня, но вела себя так, словно уже сдала экзамен на пост верховного инквизитора. Её идеальное платье, ни единой выбившейся пряди волос — она бесила меня одним своим существованием.

— Опять портишь фамильное наследие? — подала она голос, не поднимая головы от записей. — В пункте 4.12 Устава благородных сословий четко сказано, что несанкционированный демонтаж реликвий карается лишением десерта на неделю.

Я закатил глаза так сильно, что едва не увидел собственный мозг.

— Слышишь, канцелярия ходячая? Это не порча, а модернизация, — огрызнулся я, выуживая из недр артефакта крошечную шестеренку. — Тебе бы тоже не помешало «модернизировать» свое выражение лица. А то выглядишь так, будто проглотила лимон вместе с корзиной.

— Я фиксирую факты, Адриан. Факт первый: ты нарушитель. Факт второй: ты не умеешь пользоваться отверткой, — ледяным тоном ответила она.

Родители, слава богам, были слишком заняты друг другом, чтобы слышать наш обмен любезностями. Риан как раз

дошел до момента, когда Аля впервые использовала свою ментальную связь с драконихой. Они улыбались, а я чувствовал, как в комнате становится слишком тесно от этой паточки. Мне нужно было пространство. И мне нужно было испытать моё новое изобретение в деле, подальше от этих душных стен и слишком бдительных девчонок с блокнотами.

— Мы пойдем погуляем в саду? — выпалил я, вскакивая и едва не рассыпав запчасти артефакта. — Свежий воздух, единение с природой и всё такое. Дарина, ты ведь хочешь посмотреть на кусты?

Она смерила меня подозрительным взглядом, захлопнула блокнот и встала.

— Мама говорит, что я должна присматривать за тобой, чтобы ты не сжег замок, — отчеканила она.

— Прекрасная идея! — обрадовалась Аля, возвращаясь в реальность. — Идите, дети. Посмотрите на розы, Риан как раз обновил систему полива с помощью техномагических датчиков.

Мы вышли в сад. Воздух здесь был влажным и тяжелым, пахнущим озоном и цветущим жасмином. Но я не собирался любоваться розами. В моем кармане лежал «улучшатель пламени» — маленькая коробочка с нестабильным мана-кристаллом, которую я собрал вчера ночью. Я был уверен, что за нами кто-то следит. Эти шорохи в кустах, тени у забора — Старая гвардия не дремлет, так я себе это объяснял. На самом деле мне просто очень хотелось что-нибудь поджечь

и посмотреть, как оно будет гореть синим пламенем.

Дарина шла за мной по пятам, то и дело делая пометки в своем бесконечном списке моих грехов.

— Твоя походка лишена грации, — заметила она, когда я перепрыгнул через декоративный бордюр. — И ты ведешь себя крайне подозрительно. Что у тебя в кармане? Опять какая-то запрещенная железка?

— Это прибор для выявления шпионов, — соврал я, резко остановившись у густых зарослей жимолости. — Я чувствую здесь чужое присутствие. Там точно кто-то прячется. Видишь, как ветки качаются? Это не ветер, Дарина. Это заговор.

Я достал «улучшатель» и нажал на кнопку. Прибор издал тонкий, неприятный писк.

— Ты просто параноик, — фыркнула она, подходя ближе. — Там никого нет, кроме садовых гномов. Перестань позориться и вернись на дорожку.

— А вот сейчас и проверим! — крикнул я.

Я направил коробочку в сторону кустов и выплеснул в неё крошечную искру своей магии. Моя магия всегда была дерзкой, беспокойной, она только и ждала повода, чтобы вырваться наружу. В сочетании с техномагическим ускорителем искра превратилась в ревуший поток бирюзового огня. Но я не рассчитал мощность. Вместо того чтобы просто припугнуть воображаемого шпиона в кустах, пламя срикошетило от защитного поля сада и, сделав крутую дугу, устремил

лось прямо к Дарине.

Всё произошло за доли секунды. Жар обдал моё лицо, я в ужасе замер, понимая, что сейчас натворю дел, за которые меня точно запрут в башне до совершеннолетия.

— Осторожно! — только и успел выкрикнуть я.

Дарина даже не вскрикнула. Она лишь вскинула руку, и время вокруг неё будто загустело. Её магия порядка, холодная и ослепительно белая, вырвалась навстречу огню. Это не было похоже на обычную борьбу стихий. Это было похоже на то, как суровый учитель захлопывает книгу перед носом шумного ученика. Пламя, столкнувшись с её волей, мгновенно застыло, превращаясь в причудливые ледяные кристаллы прямо в воздухе. Через мгновение на месте бушующего огня стояла изящная, пугающе холодная ледяная скульптура, изображающая замерший взрыв.

Она стояла посреди этого ледяного великолепия, тяжело дыша, а на её щеке расплывалось красное пятно от жара.

— Ты... ты чуть не убил меня, — прошептала она, и её голос дрожал не от страха, а от ярости. — Ты абсолютный, неисправимый хаос, Адриан. Ты опасен для общества.

— Да ладно тебе, зато смотри, какая красота получилась! — я попытался перевести всё в шутку, хотя сердце колотилось где-то в районе горла. — Искусство требует жертв, разве нет? И вообще, ты сама подставилась.

— Подставилась?! — она шагнула ко мне, и под её нога-

ми захрустела трава, мгновенно покрываясь инеем. — Я зафиксирую это как покушение. Твои родители узнают, что ты используешь нестабильные устройства против мирных граждан!

В этот момент из-за деревьев вылетела Ари. Маленькая зеленая дракониха, вечный спутник моей семьи, явно почувствовала магический всплеск и решила, что мы тут играем. Она спикировала вниз, радостно кувыркаясь в воздухе, и, увидев ледяную статую, решила внести свою лепту в «примирение». Ари всегда была слишком эмоциональной: если она видела лед, она считала своим долгом его растопить.

— Ари, нет! Назад! — крикнул я, но было поздно.

Дракониха широко пахнула пастью и выпустила струю чистого пламени. Но, как и я минуту назад, она промахнулась. Огонь прошел мимо ледяной скульптуры и лизнул подол накрахмаленного, безупречного платья Дарины. Ткань мгновенно вспыхнула.

— А-а-а! — вот теперь она закричала.

Дарина быстро сбила пламя магией, но ущерб был непоправим. Половина её юбки превратилась в обгоревшие лохмотья, а по саду разнесся запах паленой дорогой шерсти. Она посмотрела на свое испорченное платье, потом на виновато прижавшую уши Ари, и, наконец, на меня. Её взгляд в этот момент мог бы заморозить целое море.

— Ты и твоя ящерица... — начала она, и её голос стал пугающе тихим. — Вы оба — одно сплошное недоразумение.

— Эй, Ари просто хотела помочь! — я встал на защиту драконихи, которая уже спряталась за мою ногу. — И вообще, это платье всё равно было уродливым. Слишком много рюшек, Дарина. Теперь оно выглядит... по-бунтарски. Можешь сказать, что это новый тренд.

— Я ненавижу тебя, Адриан, — отчетливо произнесла она, чеканя каждое слово. — И я сделаю всё, чтобы каждый твой день в будущем стал таким же «ярким», как этот вечер. Мы никогда не будем друзьями. И мне плевать на то, что нас заставляют вместе проводить время. Клятва наших родителей — это их ошибка. Я её исправлю.

Она развернулась и, гордо вскинув голову, зашагала к замку, волоча за собой обгоревший подол. Я смотрел ей вслед, чувствуя странную смесь вины и азарта. Эта девчонка была невыносимой, но она была достойным противником.

— Ну что, подруга, кажется, мы только что объявили войну, — сказал я Ари, почесывая её за светящимся ушком.

Дракониха тихонько курлыкнула, явно не осознавая масштабов катастрофы. А я понял одну вещь: скучно мне точно больше не будет. Если Дарина хотела войны, она её получит. И никакие ностальгические рассказы родителей о «вечной дружбе» не заставят меня помириться с этой ледяной принцессой. Впереди были годы учебы, и я уже предвкушал, сколько еще «улучшателей» мне предстоит испытать на её безупречной репутации.

Одиннадцать лет — это возраст, когда нормальные дети мечтают о собственных драконах или, на худой конец, о возможности не чистить зубы перед сном. Но в покоях Архангелиона нормальность была таким же дефицитом, как мана-кристаллы в пустыне. Адриан, чувствуя себя заложником в собственной парадной куртке, с тоской смотрел на бесконечный стол. Мама, та самая Аля, которую все считали образцом скромности, сейчас с каким-то пугающим азартом обсуждала меню его будущей свадьбы с тетей Меланьей.

— Никаких мана-грибов, Аля! Они слишком... демократичны, — Мел махнула рукой, едва не задев кубок. — Только паштет из феникса. Это подчеркнет статус союза.

Это было невыносимо.

Адриан поморщился, чувствуя, как под воротником зудит кожа. По правде говоря, идея женитьбы на Дарине в этом возрасте казалась ему более серьезным преступлением, чем кража артефактов из кабинета отца.

— Но паштет из феникса отдает гарью, Мел, — возразила Аля, поправляя выбившуюся прядь темных волос. — Давай остановимся на морепродуктах из Бездонного залива. Они так изысканно светятся в темноте!

— Если вы планируете свадьбу в подвале, то свечение будет кстати, — буркнул Адриан, не поднимая глаз от своей тарелки.

— Тише, Адри, взрослые разговаривают о твоём будущем, — мягко, но твердо осадил его Риан.

Отец, как всегда, сохранял спокойствие, хотя его блокнот, лежавший рядом с приборами, был испещрен какими-то расчётами. Он явно был не здесь, а где-то в чертогах своей магии, но за сыном приглядывал.

Адриан покосился на Дарину. Сидевшая напротив него «будущая невеста» была воплощением тошнотворного порядка. Волосы — волосок к волоску, спина прямая, как будто ей вставили арматуру вместо позвоночника. Она не ела, она совершала ритуал поглощения калорий, идеально орудуя ножом и вилкой.

— Твои манеры оставляют желать лучшего, Адриан, — произнесла Дарина, даже не глядя на него. — Ты держишь вилку так, будто это рычаг от твоей очередной разваливающейся платформы.

— А ты сидишь так, будто проглотила шест для прыжков, — парировал он.

— Это называется осанка, — холодно заметила девочка.

Его это взбесило. В голове Адриана мгновенно созрел план, который требовал точности и отсутствия свидетелей. Под столом, скрытый тяжелой скатертью, он нащупал в кармане свое последнее изобретение — миниатюрную техномагическую сварку.

— Посмотрим, как ты заговоришь об осанке, когда не сможешь встать, — прошептал он себе под нос.

Он осторожно сполз чуть ниже, делая вид, что уронил салфетку. Рука с устройством метнулась к изящным тупелькам

Дарины, которые едва касались роскошного ковра.

Легкий щелчок, едва заметная искра.

Адриан с упоением приваривал магическую застежку ее обуви к зачарованным нитям ворса. Это была ювелирная работа. Металл сплавлялся с тканью под воздействием направленного эфирного луча, обещая Дарине незабываемый конфуз при попытке выйти из-за стола.

— Адриан, что ты там делаешь? — подозрительно спросила Аля.

— Ищу смысл жизни, мам! — отозвался он из-под скатерти. — Кажется, он застрял где-то между твоими туфлями и ножкой стола!

— Вылезай немедленно, — Дарина прищурилась, и в ее серых глазах мелькнула опасная искра.

Она почувствовала. Магия порядка в ее крови была слишком чуткой к любым искажениям пространства. Пока Адриан злорадно улыбался, застегивая последнюю «клемму», Дарина сделала легкое движение пальцами под столом.

Он почувствовал это слишком поздно.

Холод. Пронзительный, абсолютный мороз, который мгновенно сковал дерево его стула. Ножки мебели обросли льдом, намертво прирастая к полу, а сиденье превратилось в скользкую ловушку.

— Ой, — выдохнул Адриан, попытавшись выпрямиться.

Стул не шелохнулся. Он оказался в ледяном плену, зажатый между столом и собственной гордыней.

— Кажется, кто-то переоценил свои технические навыки,

— Дарина изящно отпила сок, глядя прямо перед собой.

— Ты... ты превратила мой стул в айсберг! — прошипел Адриан, дергаясь всем телом.

— Я просто навела порядок, — она улыбнулась уголками губ. — Хаос должен быть локализован и заморожен.

Аля и Меланья, увлеченные спором о том, стоит ли приглашать на церемонию троллей-барабанщиков, ничего не заметили. Риан лишь многозначительно приподнял бровь, но промолчал.

— Ладно, дети, идите погуляйте в саду, — скомандовала Аля, наконец прервав обсуждение. — Нам нужно обсудить бюджет без лишних ушей.

Это был момент истины.

Дарина попыталась встать первой. Она грациозно отодвинула тарелку, выпрямилась и... осталась на месте. Ее туфли держали ковер крепче, чем клятва верности. Она дернула ногой, но только услышала жалобный треск ткани.

— Что за... — она осеклась, осознав масштаб пакости.

Адриан, в свою очередь, попытался соскользнуть со стула, но его штаны буквально примерзли к сиденью. Любое резкое движение грозило оставить его в одних подштанниках перед всей семьей.

— Ничья? — предложил он, сквозь зубы.

— Мечтай, — Дарина резко выдохнула, и волна магии порядка сокрушила его сварку, превратив ее в бесполезный ку-

сок пластика.

Она рванулась вверх, вырывая куски ковра вместе с подошвами, и гордо зашагала к выходу, хотя каждый шаг теперь сопровождался странным чавкающим звуком. Адриан, не желая уступать, нажал на кнопку экстренного нагрева на своем поясе. Лед под ним испарился облаком пара, и он, пошатываясь, бросился вдогонку.

Сад Архангелиона встретил их запахом цветущих магнолий и тяжелым ароматом магии. Здесь было красиво, но Адриан видел в этих кустах только одно — идеальный полигон для испытаний.

— Слушай, Снежная Королева, — он догнал Дарину возле живой изгороди. — У меня есть предчувствие.

— Твои предчувствия обычно заканчиваются визитом к целителю, — отрезала она.

— Нет, серьезно. Я видел там движение, — он указал на густые заросли. — Кто-то шпионит. Старая гвардия не дремлет, понимаешь?

— Это просто ветер, параноик, — она сложила руки на груди.

— Ветер не носит плащи! — Адриан выхватил из-за спины «улучшатель пламени».

Это устройство выглядело как помесь пылесоса и драконьего горла. Мальчик был уверен, что шпион прячется именно там, за раскидистыми ветками редкого «огненного жасмина».

— Сейчас мы его выкурим, — азартно прошептал он.

— Адриан, опять? Не смей! — Дарина попыталась схватить его за руку.

Поздно.

Он нажал на спусковой крючок. Вместо ожидаемой тонкой струи дыма из раструба вырвался ревущий столб оранжевого пламени, усиленный техномагическим ускорителем.

Огненный жасмин оправдал свое название — он вспыхнул мгновенно.

— А-а-а! — закричала Дарина, когда пламя лизнуло ее безупречные белые пряди и подол платья.

— Ой, мамочки... — Адриан выронил устройство.

Он не целился в нее, честное слово. Но «улучшатель» сработал слишком хорошо, и теперь Дарина стояла в кольце огня, выглядя как разъяренный демон в миниатюре.

Она не запаниковала.

С ее ладоней сорвались потоки чистого холода. Магия порядка была безжалостной: она не просто тушила огонь, она перекраивала реальность.

В одно мгновение бушующее пламя замерло, превращаясь в сверкающий кристаллический лед. Обугленные ветки куста застыли в изящных изгибах, формируя прозрачную ледяную скульптуру, изображающую не то птицу, не то монстра.

— Ты... ты чуть не превратил меня в факел! — голос Дарины дрожал от ярости — Снова!

— Зато смотри, какая красота получилась! — Адриан попытался перевести все в шутку. — Настоящее искусство!

— Я ненавижу тебя, Адриан, — она шагнула к нему, и иней начал покрывать траву под ее ногами.

— Абсолютно солидарен! А ты — ходячая морозилка! — выкрикнул он, чувствуя, как внутри закипает ответная магия. — И если ты думаешь, что я когда-нибудь на тебе женюсь, то лучше сразу прыгай в Бездонный залив!

— Свадьба? — она горько усмехнулась. — После этого дня я скорее выйду замуж за болотного огра.

Они стояли друг напротив друга — взъерошенный мальчик с разными глазами и искрами энергии вокруг пальцев и девочка, окруженная ледяным вихрем.

Между ними лежала тлеющая скульптура из жасмина и разрушенные надежды родителей на мирный союз.

— Война? — спросил Адриан, прищутив зеленый глаз.

— До самого конца, — отрезала Дарина.

Они развернулись и пошли в разные стороны, не подозревая, что этот детский конфликт станет фундаментом для истории, которая однажды поставит их мир на грань уничтожения — но это уже будет совсем другая история.

А пока Адриан думал о том, как бы незаметно стащить из мастерской мамы еще пару деталей для «улучшателя пламени». В конце концов, война требовала хорошего вооружения.

Дарина же, сжимая кулаки, клялась себе, что ее первый

указ на посту императрицы будет касаться полного запрета на техномагические сварки в радиусе мили от ее покоев.

Мир вокруг них продолжал вращаться, империи готовились к потрясениям, а в архивах Архангелиона уже начали сохнуть чернила на первых страницах их общей, пока еще только ненавистой истории.

Мастерская Адриана напоминала место преступления, где в роли жертвы выступал здравый смысл, а уликами служили горы шестеренок и обрывки чертежей. В воздухе витал густой аромат озона, жженого масла и дешевого кофе, который мог бы прожечь дыру в обшивке грави-платформы. Парень склонился над верстаком, щуря свой ярко-зеленый глаз, пока серый косил в сторону вибрирующего мана-резонатора. В его руках рождалось нечто прекрасное и ужасное одновременно — портативный «Эфирный растворитель». Это маленькое чудо техники было откалибровано специально под структуру ткани, которую так любила эта ледяная зануда Дарина.

План мести был безупречен.

Он аккуратно впаивал микроскопический кристалл в медную оправу, стараясь не дышать. Одно неверное движение — и мастерская взлетит на воздух, а его родители, Аля и Риан, в очередной раз начнут читать лекции о «правильном использовании таланта». Но риск того стоил. Сегодняшний визит в поместье Дарины не был просто вежливым чаепити-

ем. Это была полноценная боевая операция, вылазка в тыл врага, замаскированная под светский раут.

— Еще пара штрихов, и твои белые пряди станут цветом спелой тыквы, — прошептал он, злорадно ухмыляясь.

Адриан выпрямился и бросил взгляд на стену. Там, прямо над грудой сломанных стабилизаторов, был выцарапан счет их многолетней войны: 14:15. Цифры были жирными, грубыми и до боли честными. Он проигрывал. Всего на одно очко, но для самолюбия наследника Архангелиона это было сравнимо с публичной поркой на главной площади Гномити. И виной тому был прошлогодний инцидент, который он до сих пор не мог вспоминать без содрогания.

Дарина тогда превзошла саму себя.

На приеме в честь Дня Единения он должен был произнести торжественную речь перед старейшинами. Адриан подготовил серьезный доклад о внедрении техномагических фильтров в очистные системы. Он вышел к трибуне, расправил плечи, открыл рот и... запел. Вместо слов о фильтрах из его горла полились оперные арии на забытом эльфийском наречии. Он пел о любви к пастушку и одиночестве луны, не в силах остановиться, пока Дарина в первом ряду с вежливым интересом поправляла перчатки.

— Это было низко даже для тебя, Ваше Высочество Порядок, — буркнул он, пряча «растворитель» в потайной карман камзола.

Вспомнились и их одиннадцать лет, когда он пытался на-

кормить ее пирожными с «сюрпризом». Адриан тогда засунул внутрь каждого эклера по крошечному заряду нестабильной маны. Идея была в том, чтобы пирожные просто эффектно лопнули в ее руках, обдав сливками. Но Дарина каким-то чудом почувствовала магию и перенаправила импульс. В итоге взорвался весь десертный стол, и Адриан неделю отмывал шоколадную глазурь со сводов парадного зала под присмотром сурового отца.

Уже пять лет скрытой войны превратили их в мастеров маскировки.

Теперь же, стоя перед зеркалом и поправляя воротник, он видел в отражении идеального молодого аристократа. Никто бы не догадался, что в его рукаве спрятан техномагический дестабилизатор, а в пуговицах — датчики давления. Он был готов. Если мир требует от него быть послушным сыном и будущим союзником Империи Порядка, он им побудет. Ровно до того момента, пока не представится случай сравнять счет и поставить эту горячку на место.

— Адриан, мы уходим! — донесся снизу звонкий голос матери.

— Уже иду, мам! — отозвался он, натягивая на лицо маску обаятельного разгильдяя.

Поместье Дарины встретило их пугающей чистотой и геометрической выверенностью каждой травинки на газоне. Здесь даже воздух, казалось, был отфильтрован и разложен по полочкам согласно уставу. Родители Адриана и Дарины

уже обменивались любезностями в тенистой беседке, делая вид, что прошлогодний фиолетовый суп был досадным недо-разумением, а не актом агрессии. Адриан увидел Дарину — она стояла рядом с матерью, выглядя как фарфоровая кукла, которую забыли вынуть из холодильника.

— О, Адриан, как я рада тебя видеть! — Дарина шагнула навстречу, раскрыв объятия.

— Взаимно, дорогая. Я так скучал по твоим ледяным взглядам, — прошептал он ей на ухо, когда они соприкоснулись щеками в фальшивом приветствии.

Она отстранилась, и ее стальные глаза с вертикальным зрачком сверкнули опасным блеском. Она определенно что-то почуяла. Адриан почувствовал легкое покалывание в районе кармана — магия порядка Дарины уже начала прощупывать его на наличие инородных предметов. Он тут же активировал антисканер, встроенный в пряжку ремня. На ее лице не дрогнул ни один мускул, но он заметил, как она едва заметно прищурилась, осознав, что ее проверка наткнулась на стену.

— Дети, вы такие милые, когда не пытаетесь уничтожить друг друга, — умилилась Меланья, глядя на их «теплое» приветствие.

— Мы просто повзрослели, тетя Мел, — Адриан ослепительно улыбнулся, приобнимая Дарину за талию.

Под пальцами он почувствовал жесткий корсет и... слабый вибрационный отклик. Ага, значит, она тоже не пришла

с пустыми руками. Внутри ее платья явно скрывался защитный амулет или, что вероятнее, ловушка для его гаджетов. Дарина изящно перехватила его руку, не давая ему нащупать нужный контакт на устройстве. Они стояли так несколько секунд — воплощение дружбы для родителей и два хищника, готовых вцепиться друг другу в глотки, для всех остальных.

— Пойдемте в дом, жара становится невыносимой, — предложила Аля, увлекая взрослых за собой.

Оставшись на мгновение одни, Адриан и Дарина тут же разошлись в разные стороны, словно отброшенные одноименными зарядами. Дарина брезгливо отряхнула подол своего белоснежного платья, хотя Адриан едва к нему прикоснулся. Он же с деланным интересом принялся рассматривать свои ногти, незаметно активируя дистанционный взрыватель на одном из своих «подарков», которые он успел оставить в прихожей.

— Твои манеры стали еще хуже, — холодно заметила она.

— А твоя магия все так же отдает морозильной камерой, — парировал он.

Вечер обещал быть долгим. Во время ужина Адриан вел себя как примерный гость: поддерживал светские беседы о политике, хвалил местное вино и даже не пытался швырнуть вилку в люстру. Однако под столом его пальцы безостановочно работали. Первый инцидент произошел, когда Дарина потянулась за солонкой. Стоило ей коснуться серебряного сосуда, как тот вдруг начал издавать звуки, имитирующие

громкое и крайне неприличное урчание в животе.

Наступила гробовая тишина. Дарина замерла с протянутой рукой.

— Ой, Дарина, кажется, тебе не стоило есть тот паштет, — невинно заметил Адриан.

— Это... это не я! — ее голос на мгновение потерял свою стальную уверенность.

— Ну конечно, дорогая, мы все понимаем, — Адриан сочувственно кивнул, едва сдерживая смех.

Взрослые деликатно отвели глаза, а Дарина покраснела так сильно, что ее белые пряди на фоне лица стали казаться еще ярче. Она бросила на него взгляд, обещающий медленную и мучительную смерть, но Адриан лишь подмигнул ей. Это было только начало. Через десять минут ее стул начал медленно укорачиваться, пока она не обнаружила, что сидит на уровне колен всех остальных. Это выглядело невероятно комично: наследница Империи Порядка, сохраняя каменное лицо, буквально уходит под стол.

— У вас полы проседают, Далл, — серьезно произнес Адриан, обращаясь к отцу Дарины.

— Странно, мы только вчера делали укрепление, — пробормотал озадаченный правитель.

Дарине пришлось встать и с ледяным достоинством перебраться на другой стул. К этому моменту ее «идеальный» фасад начал давать серьезные трещины. Она едва сдерживалась, чтобы не испепелить его на месте, но присутствие родителей

связывало ей руки. Адриан чувствовал себя триумфатором. Он видел, как она сжимает челюсти, как ее магия начинает произвольно замораживать воду в ее бокале, превращая ее в один сплошной кусок льда.

Наконец пришло время десерта.

Адриан знал, что это его финальный аккорд. Когда слуги внесли огромный торт, он незаметно активировал тот самый «Эфирный растворитель». Устройство сработало безупречно. Тонкий, невидимый луч ударил точно в пояс Дарины. В ту же секунду ее платье, сшитое из редчайшего «светового шелка», начало стремительно терять свою структуру. Нити просто распадались, превращая изысканный наряд в кучу бесформенного тряпья прямо на глазах у изумленной публики.

— Ой, кажется, у кого-то проблемы с гардеробом! — воскликнул Адриан, прикрывая рот рукой.

Дарина вскочила, пытаясь удержать падающую ткань магией, но растворитель блокировал любые попытки восстановить структуру. Она выглядела как человек, на которого набросили старую занавеску. Ее родители в ужасе повскакали с мест, а Аля и Риан замерли, понимая, чьих рук это дело. В зале воцарился хаос. Дарина, не проронив ни слова, развернулась и пулей вылетела из столовой, оставляя за собой шлейф ледяного тумана и клочья ткани.

Это было грандиозно. Это было эпично.

Адриан откинулся на спинку стула, чувствуя полное удо-

влетворение. Он посмотрел на стену, которой здесь не было, но в его воображении там уже сияли новые цифры. 15:15. Ничья. Скоро они направятся в Академию на равных условиях, и он был уверен, что там их война выйдет на совершенно новый уровень. Он предвкушал этот год, полный взрывов, ледяных ловушек и едких подколов, которые стали для него важнее любого государственного долга.

— Адриан Архангелион, в карету. Живо! — прорычал Риан.

— Ухожу-ухожу, — весело отозвался парень, поднимаясь. Он знал, что дома его ждет серьезный разговор и, возможно, лишение доступа к мастерской на неделю. Но выражение лица Дарины, когда ее платье решило покинуть чат, стоило любых наказаний. Он шел к выходу, насвистывая ту самую оперную арию, которую она заставила его петь год назад. Сегодня победа была за хаосом, и это было чертовски приятное чувство. Мир вокруг них мог готовиться к мятежам и катастрофам, но для Адриана главной битвой оставалась та, что велась между ним и одной очень высокомерной эльфийкой.

И он не собирался сдаваться.

Уже садясь в карету, он поймал взгляд Дарины, которая смотрела на него из окна второго этажа. Она уже переделалась в дорожный костюм, и ее лицо было непроницаемым. Но он заметил, как она одними губами произнесла слово «Ненавижу». Это было не просто обещание, это была угроза, от которой по спине пробежал холодок азарта. Игра только начи-

налась, и ставки в ней обещали быть выше, чем когда-либо.

Дарина

Мои покои — это храм безупречности. Каждая вещь здесь знает своё место: книги стоят по росту и цвету корешков, на столе нет ни единой лишней пылинки, а воздух пропитан успокаивающим ароматом лаванды и лёгким озоновым шлейфом магии Порядка. Я сижу в кресле, выпрямив спину так, будто в мой позвоночник вставили стальной штырь, и внимательно смотрю на отца. Далемир, великий и ужасный защитник Империи, сейчас больше похож на взволнованного лектора, чем на грозного правителя. Он мерит шагами комнату, а его тяжёлый взгляд то и дело замирает на мне, пытаюсь отыскать хоть малейшую трещину в моём ледяном спокойствии.

Скука — это тоже вид пытки.

— Дарина, ты должна понимать, что этот визит — не просто вежливая формальность, — Далемир остановился и сложил руки на груди, его голос звучал гулко и торжественно. — Мы стоим на пороге великих перемен. Союз с Архангелионом — это единственный способ удержать мир в равновесии. Старая гвардия только и ждёт момента, чтобы обвинить нас в слабости. Ты — лицо нашего рода, символ стабильности. Твоё поведение должно быть безупречным, твои

слова — взвешенными, а твоё отношение к Адриану... скажем так, оно должно демонстрировать наше глубокое доверие к их семье.

— Я всё понимаю, отец. Моя преданность долгу непоколебима, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально мягко, почти елебно. — Безопасность Империи для меня превыше всего.

Мама, Меланья, стояла у окна, и солнечный свет заставлял её волосы отливать тем самым серебром, которое она обычно так тщательно маскирует. Она подошла ко мне и мягко коснулась моего плеча, заглядывая в глаза. Её взгляд был пронизательным — она всегда видела чуть больше, чем папа. В её глазах читалась тревога, смешанная с надеждой. Она знала, что за моим идеальным фасадом бушует демоническое пламя, которое я годами училась загонять в рамки строгих заклинаний.

— Мы знаем, как тебе непросто, дорогая, — прошептала Меланья. — Адриан — сложный юноша, его энергия хаотична, а его страсть к этим техномагическим штучкам порой переходит все границы. Но за этой маской бунтаря скрывается сила, которая нам необходима. Постарайся найти с ним общий язык. Стань мостом, а не стеной.

— Я приложу все усилия, мама. Мы будем выглядеть как старые добрые друзья, — я выдавила самую кроткую улыбку из своего арсенала.

Идеальная дочь. Идеальная наследница.

Я прилежно кивнула и опустила взгляд в свой изящный блокнот в переплёте из драконьей кожи. Со стороны казалось, что я каллиграфическим почерком фиксирую ключевые тезисы их наставлений о стратегической важности союза. Далемир, заглянув через моё плечо, наверняка увидел бы ровные строки и аккуратные схемы. Но магия иллюзии — чудесная вещь, особенно когда нужно скрыть от родителей свои истинные намерения. На самом деле на страницах блокнота не было ни слова о политике.

Там был план. Мой детальный, выверенный до секунды и хирургически точный план мести.

Я не забыла прошлый год. Моя память работает как идеальный архив: я до сих пор чувствую тот липкий ужас и унижение, когда прямо во время торжественного приёма моё платье начало буквально таять на глазах. Адриан, этот несносный любитель шестерёнок и эфирных масел, облил меня своим новым «техномагическим растворителем», замаскировав его под невинное облако парфюма. Я стояла посреди зала в лохмотьях, а он, этот мерзавец с разноцветными глазами, давился от смеха, прикрываясь бокалом шампанского. Тот позор стал моей личной чёрной меткой.

— Он заплатит за каждую нитку того платья, — подумала я, зарисовывая схему расположения магических нитей Порядка.

— Что ты там пишешь, Дарина? — спросил Далемир, подозрительно прищурившись.

— Записываю ваши слова о важности взаимного уважения, отец, — я перелистнула страницу, скрывая чертёж гравитационной ловушки. — Это вдохновляет.

— Хорошо, — он удовлетворённо хмыкнул. — Готовься. Делегация Архангелиона прибудет с минуты на минуту. Помни: улыбайся и будь вежливой.

Когда родители вышли, я позволила себе короткий выдох. Мои пальцы сжались на ручке так сильно, что костяшки побелели. Вежливость? О да, я буду воплощением любезности. Мой ответ в этом сезоне не будет шумным или грубым. Нет, я трибрид, во мне течёт кровь эльфов и демонов, усмирённая магией Порядка. Моя месть будет изящной, как шахматная партия, и болезненной, как укол тончайшей иглы. Я уже расставила по всему поместью невидимые сенсоры, реагирующие на хаотическую энергию его поделок.

Настало время для триумфа лицемерия.

Я спустилась в парадный холл как раз в тот момент, когда массивные двери распахнулись. В воздухе тут же запахло грозой и жжёным металлом — верный признак того, что Адриан где-то рядом. И вот он появился: высокий, невыносимо уверенный в себе, с этой своей дерзкой ухмылкой, которая всегда заставляла меня мечтать о тяжёлом канделябре. Его гетерохромия сегодня казалась особенно яркой: серый глаз смотрел с холодным расчётом, а ярко-зелёный искрился предвкушением очередной пакости.

— Адриан, добро пожаловать! — мой голос прозвучал как

чистейший звон хрусталя. — Мы так долго ждали твоего визита.

— Дарина! — он шагнул вперёд, раскинув руки для объятия, которое я ловко заменила на церемонное рукопожатие. — Выглядишь... потрясающе. Твоё платье сегодня кажется на редкость прочным. Учла прошлый опыт?

Я почувствовала, как под кожей запульсировала магия, но моё лицо осталось маской ледяного дружелюбия. Его ладонь была горячей, и я кожей ощутила лёгкие вибрации какого-то прибора, спрятанного в его рукаве. Опять свои игрушки притащил.

— О, я всегда учусь на своих ошибках, — я слегка сжала его пальцы, посылая через контакт крошечный импульс Порядка, от которого его запястье должно было онеметь на пару часов. — Надеюсь, и ты привёз с собой не только свои железки, но и капельку благоразумия.

Родители, стоявшие позади нас, обменялись довольными взглядами. Аля и Риан, родители Адриана, тоже выглядели обнажёнными этой «искренней дружбой». Они видели двух красивых наследников, которые обмениваются любезностями, а не двух хищников, готовых перегрызть друг другу глотки при первой возможности.

— Видишь, Дал, а ты переживал, — негромко произнёс Риан, похлопав моего отца по плечу. — Молодёжь сама во всём разберётся.

Если бы они только знали.

— Конечно, разберемся, — Адриан подмигнул мне, и я заметила, как он незаметно коснулся кнопки на своём поясе. — У нас ведь столько общих интересов.

— Безусловно, — ответила я, делая шаг назад и незаметно активируя первую ловушку. — Например, страсть к идеальной чистоте и порядку.

Как только Адриан сделал шаг к лестнице, сработал мой первый сюрприз. Магия Порядка — это не только законы и правила, это ещё и контроль над трением. Я слегка изменила коэффициент сцепления его подошв с мраморным полом. Совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы его уверенная походка превратилась в походку пьяного пингвина на льду. Его нога предательски поехала в сторону, и только чудо — или какая-то встроенная в его сапоги гироскопическая система — не дало ему растянуться на полу перед всеми.

Он замер, выравнивая равновесие, и бросил на меня взгляд, полный яростного восторга.

— Ой, Адриан, ты в порядке? — я прижала ладонь к губам, изображая испуг. — Пол сегодня такой скользкий, слуги, кажется, переборщили с воском. Тебе помочь?

— Не стоит, Дарина, — он выдавил улыбку, хотя я видела, как в его зелёном глазу заплясали искры. — Я просто... впечатлён качеством вашего воска. Очень современный подход.

— Стараемся идти в ногу со временем, — я сделала приглашающий жест в сторону столовой. — Пойдём, нас ждёт обед. Уверена, тебе понравится наше меню.

Пока мы шли по коридору, я чувствовала, как в воздухе натягиваются невидимые струны нашей скрытой войны. Адриан не остался в долгу. Стоило мне пройти мимо большой вазы с цветами, как она внезапно издала странный свистящий звук, и из неё вырвалось облако мелкой, почти невидимой пылицы. Мои чувства трибрида тут же забили тревогу: это была не просто пылица, а микроскопические техномагические датчики, настроенные на мою ауру. Стоило мне попытаться применить более сложную магию, и они начали бы противно пищать, выдавая каждое моё действие.

Хитрый лис.

Я незаметно выставила вокруг себя тончайший щит, сжигая датчики ещё на подлёте, и продолжала улыбаться так лучезарно, что у меня начали болеть скулы. Мы вошли в обеденный зал, где стол уже ломился от яств, а атмосфера была пропитана той самой «дипломатической важностью», о которой так твердили родители.

— Присаживайся, Адриан, — я указала на стул, который заранее подготовила.

Под сиденьем был спрятан магический контур «Абсолютной Статики». Стоило ему сесть, и его брюки намертво приклеились бы к бархатной обивке. Никакого физического вреда, только эстетическое унижение, когда он попытается встать. Мелочь, а приятно.

— Благодарю, Дарина, — он галантно отодвинул стул, но вместо того чтобы сесть, он сначала достал из кармана ка-

кой-то прибор, похожий на компас, и небрежно провёл им над сиденьем. — Какая интересная резьба на спинке. Тонкая работа.

Прибор тихо пискнул, предупреждая его о ловушке. Адриан, не меняясь в лице, коснулся рукой обивки, и я почувствовала, как мой контур просто... испарился, поглощённый его техномагическим демпфером. Он сел с видом короля на именинах и посмотрел на меня в упор.

— Действительно, очень удобно, — сказал он, приступая к еде.

Родители сидели напротив и, кажется, пребывали в полной уверенности, что их план по сближению наследников работает идеально. Меланья что-то тихо обсуждала с Алей, а Далемир и Риан спорили о преимуществах новых мана-ректоров. Они были так заняты своим будущим миром, что совершенно не замечали, как прямо у них под носом разворачивается настоящая битва.

— Как тебе суп, Адриан? — спросила я, наблюдая, как он подносит ложку к губам.

— Великолепен, — он замер в миллиметре от поверхности жидкости. — Знаешь, у него такой... специфический оттенок эфира. Неужели ты лично добавила туда каплю своей маны для аромата?

— Только самое лучшее для нашего дорогого гостя, — я отпила вина, наслаждаясь моментом.

Я знала, что он не притронется к еде, пока не проверит её

всеми своими сканерами. Это делало его параноиком, а меня — победителем в этом раунде психологического давления. Наша встреча превратилась в изысканный танец на минном поле, где каждое слово было ложью, а каждый жест — актом агрессии. Мы вели беспощадный бой под маской вежливости, превращая каждый светский ритуал в оружие.

Пока взрослые видели идеальный союз двух великих династий, мы с Адрианом обменивались обещаниями уничтожить друг друга. И самое страшное — или самое интересное — заключалось в том, что нам обоим это, кажется, начинало нравиться.

— Этот сезон будет незабываемым, — прошептал Адриан, когда наши взгляды снова столкнулись.

— О, ты даже не представляешь насколько, — ответила я, чувствуя, как в глубине моей души демоническая ярость смешивается с азартом игрока.

Это лето было прекрасным. Я стратегически выиграла у этого неумехи, и он с позором вернулся в свой Архангелион зализывать раны.

Адриан

Рассвет в Архангелионе — это всегда испытание для глаз, особенно если ты провел последние восемь часов, дегустируя сомнительного качества эль в Нижнем Гномити и пы-

таясь доказать местным механикам, что их паровые клапаны — это позор прогресса. Я пробирался через дворцовый сад, стараясь не слишком громко шуршать гравием и молясь всем богам техномагии, чтобы мой отец не решил совершить внезапную утреннюю инспекцию кустов роз. В голове гудело, как в неисправном мана-реакторе, а во рту поселился небольшой, но очень амбициозный отряд эльфийских партизан. Мой камзол пах копотью, дешевым табаком и свободой — той самой, за которую меня завтра официально казнят, отправив в Академию под надзор Дарины и прочих ценителей дисциплины.

Жизнь — боль.

Я уже почти добрался до черного входа, когда заметил её. Около центрального фонтана, в мягком сиянии первых лучей, сидела девушка. Она была похожа на ожившую иллюстрацию из тех пафосных книг о древних богинях, которые мама заставляла меня читать в детстве. Тонкий силуэт, безупречная осанка и книга в руках — она читала так сосредоточенно, будто от этого зависела судьба мира. Свет падал на её волосы, создавая вокруг головы нимб, а брызги воды из фонтана замерзали в воздухе маленькими кристаллами, превращая всё пространство вокруг неё в сказочный грот. Это было красиво. Чертовски, невыносимо красиво.

Мой циничный ум, обычно работающий на частоте сарказма и расчёта, внезапно выдал критическую ошибку и ушел в перезагрузку.

В животе что-то подозрительно ёкнуло, и это явно был не вчерашний эль. Я замер, любуясь тем, как она перевернула страницу тонким, почти прозрачным пальцем. Кто это? Гостя из посольства? Новая фрейлина матери? Почему я не видел её раньше? В этот момент я почувствовал себя героем дешевого любовного романа, который готов бросить свою техномагическую империю к ногам прекрасной незнакомки. Весь мой бунтарский дух испарился, оставив место какому-то нелепому, рыцарскому восторгу. Я даже поправил воротник, хотя тот был безнадежно помят после драки с вышибалой.

Надо действовать.

Я решил, что такая встреча — это знак судьбы, а не результат моего алкогольного недосыпа. Собрав в кулак остатки своего легендарного обаяния, я направился к фонтану, стараясь шагать мягко, как барс, а не как человек, у которого один сапог жмет, а второй — в мазуте. В моей голове уже выстраивался план по захвату её внимания: сначала комплимент, потом загадочная полуулыбка, а затем — приглашение на прогулку по крышам Гномити под покровом ночи. Я был уверен, что против моего подката не устояла бы даже каменная статуя основателя империи, не то что эта хрупкая читательница.

— Прошу прощения, о прекрасное видение, — начал я, стараясь придать голосу бархатистые, интригующие нотки. — Я не хотел прерывать ваш диалог с вечностью, но боюсь,

что солнце взошло сегодня исключительно для того, чтобы увидеть блеск ваших глаз в отражении этой воды. Позвольте узнать имя богини, которая решила украсить наш скромный сад своим присутствием?

Девушка медленно, очень медленно закрыла книгу и подняла на меня взгляд.

И в этот момент мой мир не просто рухнул, он сдетонировал с мощностью в десять мегатонн. Стальные глаза с вертикальным зрачком. Иссиня-черные волосы с теми самыми двумя белыми прядями, которые я мечтал выдрать последние пять лет. Дарина. Наследница Империи Порядка. Мой личный ночной кошмар в шелковом переплете. Она смотрела на меня так, будто я был не принцем Архангелиона, а особенно противным видом плесени, который случайно забрел на её стерильную территорию. В её взгляде не было ни капли божественной милости, только чистая, концентрированная ледяная ярость.

Экстренная эвакуация! Отмена миссии!

Мои комплименты, только что порхавшие в голове золотыми бабочками, превратились в дохлых тараканов и начали забиваться в самые темные углы сознания. Весь мой «эстетический восторг» сменился жгучим желанием провалиться сквозь землю, желательно прямоком в Нижние уровни Гномити. Я стоял перед ней, как идиот, с застывшей на лице романтической ухмылкой, чувствуя, как краснею — явление, которое в моем случае случается реже, чем солнечное затме-

ние. Это была катастрофа эпических масштабов. Я только что подкатил к Дарине. К Дарине, черт возьми!

— Адриан? — её голос прозвучал как удар хлыста по мерзлomu дереву. — Ты пьян, или твои последние две извилины наконец-то закоротило от паров эфира?

— Дарина! — я выдал какой-то странный звук, средний между икотой и смешком, и тут же взял себя в руки, включая режим «я-так-и-планировал». — О, я вижу, ты всё-таки не потеряла бдительность. Поздравляю! Моя проверка на проникновение шпиона прошла успешно. Хотя, признаться, ты среагировала на две секунды медленнее, чем я ожидал. Надо бы подтянуть рефлексy перед Академией.

Я небрежно оперся о край фонтана, едва не соскользнув в воду локтем.

Она приподняла одну бровь. Этот жест всегда означал, что она уже мысленно выписывает мне штраф за существование. Дарина отложила книгу на мраморную скамью — я мельком заметил название: «Основы магической фортификации и методы подавления хаоса». Ну конечно, что еще могла читать эта женщина в пять утра? Сказки о единорогах? Нет, только хардкор, только подавление всего живого и веселого. Она поднялась, выпрямившись во весь свой немаленький рост, и я снова почувствовал, как между нами искрит энергия, но на этот раз — чисто боевая.

— «Проверка бдительности»? — переспитала она с таким сарказмом, что у меня по спине пробежал холодок. —

Значит, эти нелепые речи о «солнце, взошедшем ради блеска глаз» — это часть твоего нового метода психологической атаки? Адриан, если ты пытался меня напугать уровнем своей деградации, то тебе это удалось. Я впечатлена тем, как низко может пасть наследник великого рода всего за одну ночь в сомнительных заведениях.

— Это был актерский этюд, Дарина! — я вызывающе вскинул подбородок, стараясь не дышать в её сторону перегаром. — Я проверял, сможешь ли ты распознать фальшь в условиях повышенной слащавости. Ведь предатели часто используют лесть как оружие. Ты должна быть готова к тому, что в Академии к тебе могут подойти с самыми гнусными намерениями, прикрываясь красивыми словами. Считай это моим дружеским вкладом в твою безопасность.

— Дружеским? — она сделала шаг ко мне, и я невольно отшатнулся. — Мы не друзья, Адриан. Мы — вынужденные попутчики в политическом балагане, который наши родители называют «союзом». И твой «вклад» пахнет как сточная канава в секторе механиков. Советую тебе пойти и привести себя в порядок, пока папа не увидел твою «проверку бдительности» в действии. Поверь, его методы проверки будут гораздо менее поэтичными.

Она умудрялась смотреть на меня сверху вниз, хотя я явно был выше.

В её глазах плясали те самые искры магии Порядка, которые я так ненавидел и которыми втайне восхищался. Она

была невыносима. Она была идеальна в своем высокомерии. И то, что я секунду назад принял её за неземное существо, бесило меня больше, чем все её едкие замечания вместе взятые. Мой мозг требовал реванша, но язык, кажется, решил уйти в бессрочный отпуск. Я чувствовал себя разоруженным и выставленным на посмешище, хотя мы были в саду одни.

— Твоя забота трогает меня до глубины души, — я приложил руку к сердцу, изображая пафос. — Но не переживай за мою репутацию. Я — мастер маскировки. Через час я буду выглядеть как святой великомученик, готовый к грызению гранита науки. А ты... ты просто продолжай читать свои умные книжки. Говорят, они помогают компенсировать отсутствие чувства юмора.

— Чувство юмора — это излишество для тех, кто не способен контролировать реальность, — отрезала она.

Дарина взяла свою книгу, бережно смахнув с обложки невидимую пылинку.

— И на будущее, Адриан, — добавила она, уже разворачиваясь, чтобы уйти. — Если решишь снова упражняться в «актерском мастерстве», смени репертуар. Образ влюбленного идиота тебе, конечно, очень идет — он практически сливается с твоей истинной личностью — но на меня он не действует. Ищи себе «богинь» среди тех, у кого уровень интеллекта ниже твоего каблука. Хотя боюсь, в этом мире таких немного.

Она ушла, не оглядываясь, чеканя каждый шаг по гравиию.

Я остался стоять у фонтана, чувствуя, как утренний ветерок обдувает мою пылающую физиономию. Рассвет окончательно вступил в свои права, и сад больше не казался сказочным местом. Это была просто территория будущих сражений. Я посмотрел на свое отражение в воде: лохматый, с пятном мазута на щеке и совершенно идиотским выражением глаз. «Богиня», ага. Адриан, ты официально признан главным клоуном империи. Поздравляю с повышением.

Я пнул камешек в воду, разрушая идиллическую гладь.

Завтра мы уезжаем в Академию. Завтра начнется настоящий ад, где каждый мой шаг будет под прицелом этих стальных глаз. Но если она думает, что сегодняшнее фиаско меня сломило, она глубоко ошибается. Я найду способ стереть эту самодовольную ухмылку с её лица, даже если мне придется перестроить всю Академию по своим правилам. Игра только начинается, Дарина. И в этой игре «богиням» лучше заранее запастись терпением, потому что я приготовил для тебя столько «проверок бдительности», что твоя магия порядка сойдет с ума быстрее, чем ты успеешь дочитать свой учебник по фортификации.

В конце концов, хаос всегда побеждает, просто иногда ему нужно немного больше времени на подготовку.

Столовая в поместье Империи Порядка выглядела так, будто её проектировал человек, считающий спонтанную ра-

дось тяжким уголовным преступлением. Всё здесь было до тошноты симметрично: двенадцать стульев с идеально ровными спинками, канделябры, стоящие на строго выверенном расстоянии друг от друга, и даже складки на тяжёлых шёлковых скатертях казались прочерченными по линейке. Мои родители, Риан и Аля, сидели напротив Далемира и Меланьи, сияя так, словно они только что изобрели бесконечный источник маны. Для них этот обед был венцом дипломатии, мостом между двумя мирами и залогом вечного мира. Для меня же это была разведывательная операция на вражеской территории, осложнённая присутствием «железной леди» напротив, чьи стальные глаза с вертикальным зрачком обещали мне медленную и очень регламентированную смерть.

Я терпеть не могу симметрию.

Дарина расправила салфетку с точностью нейрохирурга, не глядя на меня, но я буквально кожей чувствовал исходящие от неё волны ледяного неодобрения. Её иссиня-черные волосы были уложены волосок к волоску, а эти две белые пряди у лица раздражали своей безупречностью, напоминая о том, что передо мной идеальный продукт магической селекции.

— Адриан, попробуй фазана, — мягко предложила Меланья, прерывая затянувшееся молчание. — Наш повар превзошёл себя, готовя его в соусе из лунных грибов.

— Обязательно, тетя Мел, — я растянул губы в самой сво-

ей обаятельной и фальшивой улыбке, от которой у придворных дам обычно подкашивались колени. — Уверен, вкус этого блюда так же безупречен, как и манеры вашей очаровательной дочери.

Пока я произносил этот сомнительный комплимент, мои пальцы уже нащупывали пульт управления на манжете. Время для первого акта саботажа. Три моих микро-дрона «Жужжалки», скрытых под полами камзола, бесшумно соскользнули на ковёр. Они были оснащены новейшими полями преломления света — моей гордостью, на которую я угробил три месяца стипендии и кучу нервных клеток. Под прикрытием шёлковой скатерти эти крошечные техномагические шедевры устремились к ногам Дарины. Моя цель была проста и изящна: связать её шнурки морским узлом и прикрепить их к ножке её же тяжеленного стула. Я хотел посмотреть, как она будет сохранять свою легендарную невозмутимость, когда настанет время вставать для тоста.

Летите, мои маленькие железные монстры.

Я почувствовал легкую вибрацию в рукаве — сигнал о том, что дроны достигли цели и приступили к работе. Дарина даже не шелохнулась, продолжая разделявать несчастную птицу с таким видом, будто совершала ритуальное жертвоприношение.

— Ты сегодня необычайно разговорчив, Адриан, — её голос прозвучал как хруст льда под сапогом. — Обычно ты трастишь энергию на что-то более... приземленное и шумное.

— О, я просто вдохновлен атмосферой Порядка, дорогая невеста, — я приподнял бокал с эфирным вином, собираясь сделать глоток. — Это так... дисциплинирует.

Но не успел я коснуться губами края хрусталя, как воздух вокруг бокала подозрительно замерцал. Магия Порядка — это скучная штука про структуры и законы, а что может быть структурнее, чем ледяная решетка? В мгновение ока моё коллекционное вино превратилось в монолитный кусок фиолетового льда. Я замер с бокалом у рта, чувствуя, как от него исходит могильный холод. Если бы я попытался выпить это сейчас, я бы просто выглядел идиотом, облизывающим ледышку на глазах у высшей аристократии двух империй. Она даже не посмотрела в мою сторону, но я видел, как уголок её губ дернулся в едва заметной, торжествующей усмешке.

Один — ноль в пользу Снежной Королевы.

Я не стал убирать бокал, вместо этого активировав тепловой контур на своём кольце-артефакте. Тихий свист испаряющейся влаги был заглушен смехом Далемира, который как раз рассказывал Риану о новом законопроекте. Лед в бокале начал стремительно таять под воздействием направленного термического импульса.

— Что-то не так с вином? — невинно поинтересовалась Дарина, наконец подняв на меня свои пугающие глаза.

— Напротив, оно просто... слишком крепкое, — я сделал глоток теплого, почти кипящего напитка, не поморщившись.

— Решил немного подождать, пока букет раскроется.

Если она хотела холодной войны, то я был готов устроить ей тектонический сдвиг. Я незаметно активировал модуль «Тремор-7», который заранее закрепил под её сиденьем, пока мы обменивались церемонными приветствиями. Этот прибор не причинял боли, он просто создавал мелкую, высокочастотную вибрацию, от которой зубы начинали чесаться, а мысли путаться. Я выставил режим «Раздражающее жужжание» и стал наблюдать. Спина Дарины стала еще прямой, хотя я думал, что это физически невозможно. Её вилка мелко задрожала, выбивая на фарфоровой тарелке едва слышную, но бесконечно бесящую дробь, похожую на предсмертный писк механической мыши.

Наслаждайся поездкой, принцесса.

Дарина вцепилась в край стола так сильно, что её костяшки побелели, приобретая оттенок старого мрамора. Её вертикальные зрачки сузились до тончайших нитей — верный признак того, что демоническая половина внутри неё начала терять терпение. Это было именно то, чего я добивался: трещина в идеальном фасаде.

— Дарина, ты какая-то... дерганая сегодня, — заметил я, не скрывая ехидства в голосе. — Неужели магия Порядка дает сбой в присутствии такого хаотичного меня?

— У меня всё под контролем, — процедила она сквозь зубы, и я почувствовал, как температура в комнате упала еще на пару градусов. — Просто... внезапный сквозняк.

Я потянулся за ножом, чтобы расправиться со своим фазаном, но столовый прибор вдруг обрел собственную волю. Стоило моим пальцам коснуться серебра, как нож и вилка с оглушительным лязгом примагнитились к моим манжетам, которые я предусмотрительно укрепил техномагическими пластинами. Магнитное поле было настолько мощным, что я оказался буквально прикован к собственным рукам. Любая попытка пошевелиться вызывала каскад звона и скрежета. Дарина явно наложила на приборы заклятие «Идеального Выравнивания», превратив обычный ужин в соревнование по перетягиванию каната. Я выглядел как ходячая витрина посудной лавки, и каждое моё движение сопровождалось какофонией звуков.

Отличный ход, ты, порождение дисциплины.

Я попытался сделать вид, что просто поправляю рукава, но в этот момент ложка с соседней тарелки тоже решила присоединиться к вечеринке и звонко шлепнулась мне на запястье. Родители на секунду замолкли, уставившись на мой металлический «браслет».

— Адриан, ты что, решил забрать серебро с собой в качестве сувенира? — пошутил Далемир, хотя в его глазах промелькнуло подозрение.

— Просто проверяю качество сплава, — я с трудом оторвал руку от стола, чувствуя, как магнит тянет меня обратно. — Оно... впечатляет своей притягательностью.

— Позволь мне помочь тебе, — Дарина протянула руку

к соуснику с ярко-синим мана-соусом, который светился в полумраке столовой, как радиоактивный отход. — Тебе явно не хватает... правильной заправки. Она передала мне соусник, и в момент передачи я незаметно уронил в густую жидкость каплю «Реактивного катализатора». Соус тут же начал издавать тонкий, пронзительный свист, похожий на звук закипающего чайника, а его свечение стало пульсирующим и ядовито-зеленым.

Остро, не правда ли?

Дарина взяла соусник обратно, даже не моргнув, но стоило её пальцам коснуться фарфора, как я почувствовал ответный удар. Холодный импульс прошел через стол и ударил меня прямо в кончики пальцев. Это было заклятие «Онемения плоти» — мои руки мгновенно превратились в два бесполезных куска дерева. Я не мог даже пошевелить мизинцем, чтобы сбросить магнитные оковы.

— Попробуй наш чай, Адриан, — вкрадчиво прошептала она, пододвигая ко мне чашку. — Он называется «Успокаивающий туман». Очень помогает при избытке... лишних движений.

Я сделал небольшой глоток, понимая, что это ловушка, но деваться было некуда — на нас смотрели четверо взрослых, ожидающих идиллии. Через секунду я перестал чувствовать не только пальцы, но и кончик языка. Между тем, под столом мои «Жужжалки» закончили свою миссию: шнурки на её туфлях теперь были не просто завязаны, они были сплав-

лены в единый кокон с ножками стула. Я видел, как она попыталась незаметно отодвинуть ногу, но её тяжелое кресло лишь издало протестующий скрип, опасно наклонившись в сторону.

Попалась.

Мы замерли в патовой ситуации: я сидел с онемевшими руками, обвешанный ложками, а она была прикована к мебели, при этом её стул продолжал вибрировать, создавая эффект легкого землетрясения в радиусе полуметра. В этот момент мой отец, Риан, торжественно поднялся со своего места, поднимая бокал.

— Дорогие друзья! — провозгласил он, его голос так и сочился гордостью. — Глядя на этих двоих, я понимаю, что будущее наших империй в надежных руках. За мир, гармонию и этот прекрасный союз!

Все встали. Точнее, попытались встать. Дарина рванулась вверх, забыв о моих дронах, и её стул с грохотом поехал за ней, врезавшись в стол и заставив посуду подпрыгнуть. Я же, пытаясь изобразить почтение, взмахнул руками, и магнитная ловушка потянула за собой нож, который с мелодичным звоном вонзился в праздничный торт прямо перед носом у Далемира.

— Какая... экспрессия, — выдавил Далемир, глядя на дрожащую рукоятку ножа в десерте.

— Мы просто очень... взволнованы, — Дарина улыбнулась так широко, что я всерьез испугался за целостность её

лица, пока она ногой пыталась отпихнуть под столом жужжащего дрона.

— Безумно взволнованы, — подтвердил я, пытаясь незаметно отцепить вилку от манжеты зубами, пока родители обменивались восторженными возгласами о нашей «страсти». Это был лучший обед в моей жизни. Мы ненавидели друг друга так сильно, что это уже начинало напоминать искусство. Впереди нас наконец-то ждала учеба в Академии. С моей самой заклятой Снежной Королевой.

Глава 2 Искусство взаимного саботажа

Визг грави-дисков — лучший будильник для сонных сноб-ов, которые привыкли просыпаться под пение магических птичек и звон хрустальных колокольчиков.

Моя «Малышка-3000» ревела так, будто в её мана-реактор залили чистую ярость вперемешку с дешёвым эфиром, и мне это чертовски нравилось. Я несся к воротам Центральной светлой магакадемии, игнорируя все правила безопасности, дорожные знаки и здравый смысл, который в моей голове всегда сидел на заднем сиденье и помалкивал.

Центральная смешанная магакадемия. Звучит как название элитного дома престарелых, где единственное развлечение — перекладывание пыльных свитков с места на место и обсуждение того, чей род древнее и чья палочка длиннее. Белокаменные стены, шпили, впивающиеся в небо с грацией параноика, и толпы первокурсников, которые выглядят так, будто их только что выстирали с двойной порцией крахмала. Честно говоря, это место нуждалось в хорошей встряске, и я был именно тем парнем, который принес детонатор, упакованный в корпус из хромированной стали и светящихся ка-белей.

— Поберегись, мелкотня! Дорогу прогрессу и самому

обаятельному нарушителю спокойствия в этом полушарии! — заорал я, закладывая крутой вираж прямо над головами перепуганных неофитов.

Платформа выплюнула облако едких бирюзовых искр, когда я резко сбросил высоту, заставляя антигравы работать на пределе возможностей. Группа первокурсников в новеньких, еще не заляпанных чернилами мантиях разлетелась в разные стороны, как кегли в боулинге, когда по ним запускают тяжелый шар. Один парень, кажется, из чистокровных светлых, судя по его испуганному лицу и идеальному пробору, умудрился уронить стопку книг прямо в декоративный фонтан.

— Извини, приятель, наука требует жертв, а твоя библиотека давно просилась на просушку! — крикнул я ему вслед, эффектно тормозя в паре сантиметров от парадной лестницы.

На брусчатке остался дымящийся след от перегретых стабилизаторов, а в воздухе повис отчетливый запах озона и подпаленной магии. Я спрыгнул с платформы, чувствуя, как адреналин все еще пульсирует в висках, и картинно поправил воротник своей кожаной куртки, усеянной медными заклепками. Это был мой триумф, мой выход, мой способ заявить миру, что старые времена закончились, и теперь правила буду диктовать я.

И тут появилась она. Мисс Совершенство, ходячий эталон занудства и воплощение всех консервативных кошмаров.

Из тяжелой, пафосной кареты, украшенной гербами Ведымограда и запряженной четверкой призрачных лошадей, вышла Дарина. Ни одной помятой складки на темно-синем платье, волосы уложены так, словно их зафиксировали заклятием вечного покоя, а взгляд... О, этот взгляд мог бы заморозить солнце, если бы она посмотрела на него достаточно долго. Она вышла на залитую светом площадь с такой миной, будто ей только что предложили съесть на завтрак жареную крысу вместо овсянки.

— Ты всё так же предпочитаешь передвигаться на грудехжавого металлолома, Адриан? — процедила она, даже не глядя в мою сторону, а лишь слегка поводя носом.

— Это не металлолом, радость моя, это будущее, упакованное в эргономичный дизайн, — я широко улыбнулся, прислонившись к своей платформе. — Тебе бы тоже не помешало сменить это корыто на что-то, что не воняет лошадиным навозом и вековой скукой.

— Карета — это символ статуса и стабильности, — Дарина наконец удостоила меня ледяным взглядом, в котором читалось желание превратить меня в садового гнома. — А твоя игрушка — это лишь крик о помощи мальчика, который никак не хочет взрослеть.

— Моя игрушка делает сто миль в час на чистом эфире, пока ты пересчитываешь хвосты своимдохлым кобылам, — я подмигнул ей, наслаждаясь тем, как на её щеках проступает едва заметный румянец гнева.

Дарина смерила мою «Малышку» таким презрительным взглядом, каким обычно смотрят на плесень в элитном головке сыра. Её магия порядка так и зудела в воздухе, пытаюсь «исправить» мой творческий хаос, выровнять каждую деталь и заставить всё вокруг соответствовать её идеальным представлениям о мире. Я буквально кожей чувствовал это давление — холодное, структурированное и невыносимо правильное, словно учебник по высшей математике в твердом переплете.

— Порядок — это основа цивилизации, Адриан, — отчеканила она, направляясь к входу в Академию. — А ты — просто шум, который скоро утихнет, как только здесь начнутся настоящие занятия.

— Шум бывает разным, Дарина! — крикнул я ей в спину, подхватывая свою сумку. — Иногда это гром, перед которым все дрожат, прежде чем начнется настоящая буря. Пойдем, нас ждет официальное занудство, я не хочу пропустить ни слова из этой эпитафии здравому смыслу!

Главный зал Академии встретил нас гулом сотен голосов, эхом и непередаваемым ароматом старой бумаги, воска и неоправданных надежд. Это помещение было настолько огромным и величественным, что в нем легко можно было бы поселить небольшого дракона, но вместо этого здесь обитали только призраки былых побед и очень важные люди.

На трибуне, возвышаясь над морем студентов, уже стояла Драгунья Мистефовна — женщина, которая, кажется, роди-

лась с указом в одной руке и розгами в другой. Её осанка была настолько безупречной, что я всерьез подозревал наличие внутри неё зачарованного стального лома вместо позвоночника. Она начала свою речь о «высоких идеалах», «светлом пути» и прочей чепухе, которую студенты должны впитывать вместе с безвкусной кашей в столовой, чтобы стать послушными винтиками системы.

— Наша задача — сохранить традиции, которые ковались веками, — вещала Мистефовна, и её голос разносился по залу, как удары молота по наковальне.

Я почувствовал, как челюсть начинает сводить от скуки, а в кармане приятно потяжелел мой модифицированный «Эфирный проектор». Скука — это не просто состояние души, это преступление против человечества, и я был готов выступить в роли судьи и палача одновременно. Пока ректор распиналась о древних методах концентрации маны через медитацию на пустой котелок, я незаметно нажал на кнопку активации прибора.

Над залом, перекрывая свет величественных люстр, развернулась гигантская, детально проработанная голограмма, которую я собирал три ночи подряд.

Это был скелет в мантии ректора, который задорно отплясывал чечетку под воображаемую музыку, разбрасывая вокруг себя виртуальные листовки. В руках скелет держал огромный свиток, на котором пылали буквы: «Методы обучения эпохи мезозоя: как выжить, если у вас вместо мозга

— свиток». Студенты сначала замерли, словно их поразило массовое заклятие окаменения, а затем по залу прокатился первый смешок, быстро переросший в откровенный, неконтролируемый хохот.

— Вы только посмотрите на эту прелесть! — воскликнул я, вскакивая со своего места и указывая на танцующего покойника. — Пыль веков в действии, господа! Не пора ли нам сменить эти папирусы на что-то более... цифровое и менее мертвое?

— Довольно! — выкрикнула Дарина, и её голос перекрыл даже мой хохот.

Она вскинула руку, и поток чистого, ослепительно белого света ударил точно в центр моего проектора, скрытого в складках одежды. Магия порядка в её исполнении была похожа на мощный антивирус, который врывается в систему и начинает стирать всё, что не вписывается в алгоритм. Моя голограмма на мгновение дернулась, скелет скорчил уморительную гримасу, а затем рассыпался на тысячи мелких пикселей, которые погасли, не долетев до пола.

— Не смей осквернять эти стены своим дешевым балаганом, Адриан, — её голос дрожал от сдерживаемой ярости, а в глазах плясали холодные молнии. — Академия — это храм знаний, а не твоя личная песочница, где ты можешь разбрасывать свои вонючие железки.

— Твой «храм» пахнет нафталином и безнадежностью, Дарина! — я вызывающе шагнул вперед, чувствуя, как зал

за спиной начинает делиться на два лагеря.

Но было уже поздно что-то исправлять — джинн прогресса вылетел из бутылки, и заталкивать его обратно было бесполезно. Половина студентов — в основном те, кто устал от бесконечных переписываний формул вручную и зубрежки мертвых языков — вскочили со своих мест. Они радостно улюлюкали, выкрикивали моё имя и демонстрировали свои гаджеты, которые до этого прятали под мантиями, как запрещенные артефакты.

Другая половина, состоящая из отпрысков старых магических родов и тех, кто считал, что магия должна быть сложной и пафосной, сплотилась вокруг Дарины. Они смотрели на нас с такой ненавистью, будто мы только что предложили сжечь библиотеку и пустить все свитки на растопку для мангалов. Грань между «новаторами» и «традиционалистами» пролегла прямо через центр зала, физически ощутимая, как натянутая струна, готовая лопнуть в любой момент.

Мистефовна с оглушительным грохотом опустила свой магический жезл на трибуну, и звук был такой, будто взорвали склад с петардами в вакууме.

Зал мгновенно затих, но напряжение никуда не делось — оно вибрировало в воздухе, густое, липкое и наэлектризованное до предела. Ректор смотрела на нас с Дариной так, словно мы были двумя насекомыми, которые посмели испортить её идеально чистый предметный столик. Её лицо приобрело оттенок благородного баклажана, а ноздри гневно раз-

дувались при каждом вдохе, предвещая скорую расправу.

— Раз вы так жаждете конфронтации и не можете держать свой пыл в узде, — ледяным, режущим тоном произнесла она, — то вы её получите в избытке.

Я усмехнулся, скрестив руки на груди, и встретился взглядом с Дариной, которая стояла неподвижно, как ледяная статуя.

— Адриан, Дарина, — Мистефовна выдержала паузу, от которой у многих студентов подкосились колени. — Отныне вы официально признаны лидерами фракций своего курса. Разбирайтесь со своим «прогрессом» и вашим «порядком» в рамках учебного процесса. Если, конечно, доживете до конца семестра.

Я почувствовал, как на моих губах расплывается хищная улыбка — именно этого я и добивался, хотя и не ожидал такой быстрой реакции. Шоу официально началось, и я не собирался давать этой ледяной принцессе ни единого шанса на победу в нашей маленькой войне. Дарина лишь коротко кивнула ректору, но я видел, как сильно сжались её кулаки, и это было лучшей наградой за моё эффектное прибытие.

Пристегните ремни, господа традиционалисты, — подумал я, направляясь к выходу из зала. — В этой Академии наконец-то стало весело.

Дарина

Если бы ад существовал, он наверняка выглядел бы именно так: пронзительно-розовое неоновое свечение, бьющее по глазам сквозь веки, и непрекращающийся гул, от которого зубы начинают вибрировать в деснах. Я открываю глаза и три секунды смотрю в потолок, пытаюсь осознать, в какой момент моя жизнь в престижной Академии превратилась в филиал свалки техномагических отходов. Вчера здесь были строгие каменные своды и благословенная тишина, настраивающая на глубокое изучение трактатов. Сегодня утро начинается с того, что жилой блок «Альфа» больше напоминает ночной притон в Нижних уровнях Гномити, чем обитель будущей элиты Ведьмограда.

Это не просто беспорядок. Это агрессивный хаос.

— О, ты уже проснулась, снежная королева? — раздаётся бодрый голос из коридора. — Оцени масштаб модернизации! Я решил, что этот серый гранит слишком давит на творческий потенциал.

Я заставляю себя сесть в постели, стараясь не смотреть на мигающую вывеску «Прогресс или Смерть», которую Адриан умудрился вмонтировать прямо над дверью моей комнаты. Пора провести утренний рекап текущей катастрофы. Во-первых, Адриан официально сошел с ума. Во-вторых, он

подкупил коменданта или взломал охранные плетения, чтобы протащить сюда свои «улучшения». В-третьих, если я не убью его в ближайшие десять минут, это сделает кто-то другой, и я лишусь удовольствия лично присутствовать при его падении.

Встаю, и мои босые ноги касаются пола, который теперь вибрирует. Адриан установил здесь «систему динамического подогрева», которая, по ощущениям, просто пытается поджарить мои пятки.

— Адриан, если ты не выключишь это немедленно, я превращу твой мана-реактор в ледяную скульптуру, — кричу я, набрасывая шелковый халат. — Порядок — это не отсутствие творчества, это отсутствие идиотизма!

— Ты просто не ценишь инновации, Дарина! — доносится в ответ вместе со скрежетом металла. — Это же эргономично! Посмотри на раздатчик завтраков. Я его перепрошил. Теперь он не просто выдает кашу, он анализирует твой эмоциональный фон и подбирает топпинг.

Я выхожу в общую гостиную и замираю. Несчастный медный автомат, который десятилетиями исправно выдавал овсянку, теперь выглядит как жертва безумного хирурга: из него торчат кабели, а сверху прикручена светящаяся сфера, которая бешено вращается. Рядом стоит Адриан, самодовольно прислонившись к стене. Его разноцветные глаза светятся азартом, а в руках он крутит свою вечную отвертку.

— И что же он выдаст мне? — спрашиваю я, подходя к агрегату. — Надеюсь, не твое увольнение из списка живых?

— Для тебя он приготовил «Черничный гнев» с посыпкой из ироничного смирения, — Адриан нажимает кнопку, и автомат начинает издавать звуки, похожие на предсмертные хрипы дракона.

Вместо тарелки каши аппарат выстреливает в меня облаком фиолетовой пыли, которая оседает на моем халате идеальным слоем. Я закрываю глаза, чувствуя, как внутри закипает ледяная ярость. Моя магия порядка рвется наружу, желая стереть этот механический кошмар из реальности.

— Упс, — говорит Адриан, и в его голосе нет ни капли раскаяния. — Видимо, произошел сбой в алгоритме распознавания высокомерия. Нужно подкрутить калибровку.

— Оставь калибровку для своей совести, если она у тебя еще осталась, — я провожу рукой по ткани, и магия мгновенно испаряет пыль. — Мы опаздываем на Магическую юриспруденцию. И поверь, профессор Крэгвелл не оценит твой «творческий потенциал», если ты опоздаешь.

— Крэгвелл — это ископаемое, — Адриан фыркает, но все же подхватывает свою сумку, набитую железками. — Он читает лекции так, будто сам присутствовал при создании первых законов. А ведь мир изменился. Теперь заговоры плетутся через эфирные каналы, а не через почтовых голубей.

Мы идем по коридорам Академии, и я чувствую, как со-

циальный раскол становится осязаемым. Студенты из Старой гвардии прижимаются к стенам, провожая нас презрительными взглядами, а «новаторы» Адриана приветствуют его, демонстрируя самодельные гаджеты. Это война, которая зреет под тонким слоем вежливости.

— Смотри, — шепчет Адриан, указывая на группу первокурсников в тяжелых бархатных мантиях. — Они выглядят так, будто их сейчас вырвет от вида моей куртки.

— Может быть, дело не в куртке, а в твоём поведении? — замечаю я. — Ты провоцируешь их, Адриан. Старая гвардия не прощает насмешек. Император ждет от нас единства, а ты создаешь фракции.

— Единство через послушание — это рабство, Дарина. Я предлагаю единство через прогресс. Разницу чувствуешь?

Я ничего не отвечаю. Мой мозг уже переключился в режим анализа предстоящей лекции. Юриспруденция — мой любимый предмет. Там все четко, логично и предсказуемо. По крайней мере, я так думала до этого момента.

Аудитория профессора Крэгвелла — это оазис тишины и пыли. Тяжелые дубовые столы, запах старого пергамента и сам Крэгвелл, который выглядит так, будто его вырезали из того же дуба. Я сажусь на свое привычное место, достаю любимое перо из кости мантикоры и открываю тетрадь. Адриан усаживается рядом, и я вижу, как его пальцы начинают нервно барабанить по столешнице.

— Итак, коллеги, — скрипучий голос профессора разре-

зает тишину. — Тема сегодняшнего занятия: «Прецеденты несанкционированного использования техномагических импульсов в гражданском праве».

Адриан тихонько хихикает. Я бросаю на него испепеляющий взгляд и начинаю записывать определение. Но в ту же секунду я чувствую странный холодок, пробегающий по пальцам. Мое перо, обычно послушное и плавное, внезапно дергается в руке.

— Что за... — шепчу я, пытаюсь удержать его.

Перо живет своей жизнью. Оно срывается с места и начинает выводить на бумаге крупные, размашистые буквы, совершенно не похожие на мой каллиграфический почерк.

— Мисс Дарина, у вас какие-то проблемы с мелкой моторикой? — Крэгвелл поправляет очки на кончике носа.

— Нет, профессор, просто... — я осекаюсь, глядя на то, что написало перо.

«Профессор, ваша лекция — это идеальное снотворное для тех, у кого нет мозга. Ваш парик — это портал в бездну отчаяния».

Мое лицо заливают краска. Я пытаюсь выхватить перо, но оно выскользывает и начинает писать прямо на столешнице.

— Адриан! — шиплю я, не сводя взгляда с профессора, который уже начинает подниматься со своего места. — Прекрати это немедленно! Я знаю, что это твоих рук дело!

— Я? — он делает максимально невинное лицо, хотя его левый глаз подозрительно подмигивает. — Я просто сижу и

впитываю мудрость веков. Может, твое перо просто решило высказать свое мнение?

Перо тем временем выводит: «Закон — это лишь способ оправдать скуку».

Я чувствую, как магия порядка внутри меня начинает вибрировать от унижения. Он зашел слишком далеко. Использовать мои инструменты против меня — это не просто шутка, это объявление войны на моей территории. Профессор Крэгвелл уже идет по проходу, и его лицо приобретает угрожающий фиолетовый оттенок.

— Дарина, объяснитесь, — гремит его голос.

— Это... экспериментальная техника скорописи, сэр, — я накрываю надписи рукой, чувствуя, как чернила пачкают ладонь. — Небольшой сбой в магическом канале.

— Сбой? — Крэгвелл останавливается у нашего стола. — Это выглядит как вопиющая дерзость. Еще одно слово, и вы отправитесь на дисциплинарную комиссию вместе с вашим... спутником.

Адриан едва сдерживает смех, прикрывая рот ладонью. Я смотрю на него и понимаю: пришло время для симметричного ответа. Пора напомнить «королю хаоса», что порядок умеет быть не только скучным, но и безжалостным.

Звенит колокол, возвещая об окончании этого позора. Студенты начинают собираться, и Адриан, картинно потянувшись, встает, явно готовясь выдать какую-нибудь финальную колкость.

— Ну что, Дарина, как тебе мой «литературный прорыв»? — он ухмыляется, закидывая сумку на плечо. — По-моему, твоему перу давно не хватало капельки честности.

Я не отвечаю. Я закрываю глаза и концентрируюсь на структуре его движений. Магия порядка — это не только запреты. Это умение подчинять материю идеальному алгоритму. Я шепчу формулу заклęcia «Абсолютного Протокола», сплетая его с энергией, которую Адриан сам же и разлил в воздухе своими гаджетами.

— Ты что, заснула от горя? — Адриан делает шаг к выходу, но внезапно его нога замирает в воздухе.

Его тело резко дергается. Вместо того чтобы вальяжно выйти из аудитории, он внезапно совершает глубокий, церемонный поклон профессору Крэгвеллу.

— Что... что происходит? — в голосе Адриана прорезается паника.

— Кажется, у тебя тоже произошел «сбой в алгоритме», — я медленно встаю, поправляя сумку. — Твое тело решило, что тебе не хватает хороших манер.

Адриан, вопреки своей воле, начинает двигаться как заведенная механическая кукла. Он поворачивается к ближайшему столу, берет чернильницу и с маниакальной аккуратностью выравнивает ее по краю. Затем переходит к следующему столу. Его движения резкие, точные и совершенно лишённые его обычной грации.

— Дарина! Сними это! — кричит он, пока его руки начи-

нают расставлять разбросанные перья в идеальный ряд. — Это не смешно!

— Напротив, Адриан, это очень познавательно, — я прохожу мимо него, наблюдая, как он, отвесив еще один поклон ошарашенному профессору, принимается драить доску. — Ты ведь так хотел инноваций в учебном процессе. Поздравляю, теперь ты — инновационный дежурный по аудитории.

— Я тебя ненавижу! — доносится мне в спину, пока он яростно трет тряпкой чистый мел.

— Это чувство взаимно, — бросаю я через плечо. — И помни: протокол не терпит халатности. Пока вся аудитория не будет блестеть, заклятие не отпустит.

Я выхожу в коридор, чувствуя на губах легкую, торжествующую улыбку. За спиной слышится хохот студентов, которые остались посмотреть на бесплатное шоу «Адриан-чистюля». Мой план на сегодня выполнен: репутация спасена, враг унижен, а порядок восстановлен самым ироничным способом из возможных.

Жизнь в Академии все-таки может быть прекрасной, если уметь правильно настраивать частоту чужого поражения. Пожалуй, завтра я даже позволю ему угостить меня кашей. Если, конечно, он научит свой автомат не плевать в будущую королеву порядка.

Вечер в жилом блоке Академии Ведьмограда — это не время для отдыха, это время для массового психоза, завер-

нутого в обертку из розового тумана и приторных девичьих вздохов. Я сижу за своим дубовым столом, который, в отличие от остального мира, сохраняет идеальную горизонталь и чистоту, и пытаюсь вникнуть в хитросплетения «Кодекса об имперской юриспруденции». Каждая буква здесь должна стоять на своем месте, каждый параграф — дышать логикой, но вместо этого я слышу только бесконечное «Ах, ты видела, как он посмотрел?» и «Боже, его куртка так пахнет озоном!».

Тишина — это миф.

Мои соседки по блоку, Селина и Мира, окончательно потеряли связь с реальностью и теперь дрейфуют где-то в районе стратосферы, обсуждая каждое движение Адриана. Селина, наследница рода, чьи предки славились своей рассудительностью, сейчас увлеченно гадает на кофейной гуще, пытаясь выяснить, какой цвет глаз у нашего «принца хаоса» сегодня доминирует. Мира же просто пускает пузыри из розовой маны, которые лопаются с противным звуком, наполняя комнату запахом ванильного мороженого и безнадежности.

— Дарина, ну признай, он же просто ходячий секс, упакованный в техномагическую броню! — Селина развернулась ко мне, едва не опрокинув свою чашку.

— Он — ходячий дефект в программном коде мироздания, который требует немедленного удаления без возможности восстановления, — ответила я, не отрывая взгляда от страницы.

Я чувствую, как под ребрами начинает ворочаться моя де-

моническая половина, требуя либо тишины, либо крови, желательна — Адриана. Это его «порочное обаяние» действует на окружающих как вирус, который отключает критическое мышление и заставляет приличных ведьм вести себя как фанатки на концерте дешевой поп-звезды. Для меня же его харизма — это просто избыток неконтролируемой энергии, которую он разбрызгивает вокруг себя с грацией сломанного огнетушителя, создавая хаос там, где должен быть идеальный порядок.

Адрианозависимость — это болезнь. Хуже драконьей оспы.

— Ой, да ладно тебе! — Мира фыркнула, и очередной мана-пузырь лопнул прямо у меня над ухом. — Ты просто злишься, потому что он единственный, кто не падает ниц перед твоим величием. Он такой... настоящий. Эти его искры, этот смех... Говорят, сегодня в аудитории он заставил профессора Крэгвелла танцевать вальс с доской! Это же гениально!

— Это административное правонарушение, — отчеканила я, сжимая свое костяное перо чуть сильнее, чем следовало.

Я представила, как Адриан сейчас, наверное, сидит в своем блоке, окруженный такими же обожателями, и упивается собственной значимостью, пока я пытаюсь спасти репутацию нашей фракции. Каждое его действие — это вызов мне лично, попытка доказать, что его гремящие железки важнее

вековых традиций и дисциплины. Он думает, что мир — это его личная игровая площадка, но он забывает, что на любой площадке есть правила, и я — тот человек, который заставит его их выучить наизусть.

Внезапно дверь нашего блока распахнулась без малейшего стука, впуская струю холодного воздуха и тот самый пресловутый запах озона и дорогого эфира.

На пороге стоял Адриан, и, черт возьми, он выглядел именно так, как описывали эти дурехи: небрежно, дерзко и вызывающе идеально. Его кожаная куртка была расстегнута, открывая вид на футболку с каким-то кошунственным лозунгом, а в глазах плясали те самые чертенята, которые обещали либо приключение, либо полную катастрофу. Он облокотился на дверной косяк, скрестив руки на груди, и ослепил моих соседок улыбкой, от которой у Миры, кажется, случился легкий магический обморок.

— Вечер в хату, дамы, — его голос прозвучал как бархатный ром с каплей яда. — Не помешал вашему девичнику?

— Ой, Адриан! Нет-нет, заходи! — Селина вскочила так резко, что ее стул жалобно скрипнул.

— Да, мы как раз обсуждали... то есть, мы просто читали! — добавила Мира, судорожно пытаюсь спрятать под подушку журнал с его фотографией на обложке.

Адриан прошел в центр комнаты, игнорируя их восторженные вздохи, и остановился прямо напротив моего стола, вторгаясь в мое личное пространство с уверенностью танка.

Я не подняла головы, продолжая делать вид, что примечание к сорок второму параграфу — это самое интересное, что случилось в моей жизни за последние сто лет. От него веяло жаром, и я кожей чувствовала вибрацию его личного мана-поля, которое бесцеремонно толкало мои аккуратные магические контуры, пытаюсь вызвать резонанс.

— Дарина, радость моя, ты все еще пытаешься победить бумагу своим ледяным взглядом? — он наклонился ниже, так что я почувствовала его дыхание на своей щеке.

— Я пытаюсь игнорировать твое присутствие, Адриан. Поверь, это требует гораздо больше усилий и концентрации, — ответила я, медленно поднимая глаза.

Его гетерохромия сегодня была особенно раздражающей: серый глаз казался холодным и расчетливым, а зеленый искрился безудержным весельем, словно подшучивая над моей серьезностью. Он не отвел взгляда, и на мгновение в комнате стало так тихо, что было слышно, как бьются сердца моих соседей, которые застыли, словно зрители в первом ряду самого захватывающего триллера сезона. Это было противостояние двух стихий, запертых в маленькой комнате, где воздух внезапно стал слишком плотным и наэлектризованным.

Он выпрямился, и на его губах заиграла та самая улыбка, которую я ненавидела больше всего — безупречная, насквозь фальшивая и бесконечно опасная.

— Знаешь, я не мог пройти мимо и не выразить свое восхищение, — произнес он достаточно громко, чтобы Сели-

на и Мира затаили дыхание. — Дарина, у тебя просто поразительный талант превращать любое спонтанное проявление жизни в идеально структурированный параграф устава. Это... это просто невероятно.

— Ох, как это глубоко... — выдохнула Мира, прижимая руки к груди.

— Он так ценит твой ум, Дарина! — прошептала Селина, глядя на меня с нескрываемой завистью.

Я почувствовала, как внутри меня что-то хрустнуло — и это была не только моя выдержка, но и иллюзия его «любезности», которую он так искусно состряпал для публики. Подруги услышали комплимент ее величию, признание ее дисциплины и статуса, но я видела правду, скрытую в его насмешливом прищуре. Он назвал меня сухарем, занудой, живым мертвецом, который не способен на искренние эмоции и прячется за буквами закона от настоящей жизни.

Это был мастерский удар. Тонкий, как лезвие бритвы, и болезненный, как пощечина.

— Благодарю, Адриан. Твое мнение крайне важно для меня, примерно так же, как мнение плесени о качестве сыра, — мой голос был ровным, но в нем слышался звон стали.

— Всегда рад поддержать твое стремление к совершенству, — он отвесил мне шутовской поклон, пятясь к двери. — Дамы, не скучайте. Дарина, не перенапряги мозг, он нам еще пригодится для будущих... дискуссий.

Он исчез так же внезапно, как и появился, оставив после

себя шлейф возбуждения и целое облако завистливых взглядов, которые теперь сверлили мою спину с интенсивностью лазера. Селина и Мира тут же набросились на меня, щебеча о том, какая я счастливая и как Адриан на самом деле ко мне неравнодушен, раз находит время зайти просто ради пары слов. Они не понимали, что эти «пару слов» были объявлением новой фазы войны, где он решил использовать против меня не только гаджеты, но и социальное давление.

— Вы только посмотрите! Он же буквально пожирал ее глазами! — Селина схватила меня за плечо.

— Дарина, скажи честно, вы же тайно встречаетесь? Ну невозможно же так смотреть на просто «соперницу»! — Мира буквально светилась от восторга.

— Оставьте меня в покое, — я высвободилась и снова устала в книгу, хотя буквы теперь расплывались перед глазами от ярости.

Я чувствовала себя как редкий экспонат в музее, на который наклеили не ту этикетку: все видят шедевр, а я знаю, что это подделка, созданная только для того, чтобы меня унижить. Его «внимание» было ядом, завернутым в сахарную вату, и то, что мои подруги так легко заглотили эту наживку, злило меня еще больше. Адриан играл на их чувствах так же легко, как на своих техномагических струнах, создавая вокруг меня вакуум непонимания и ложных надежд.

Я — не его проект. И уж точно не его параграф.

Мои пальцы, судорожно сжимавшие костяное перо — по-

дарок отца на мое совершеннолетие — внезапно ощутили предел сопротивления материала. Раздался сухой, резкий хруст, который в тишине комнаты прозвучал как выстрел, заставив Селину и Миру мгновенно замолкнуть и испуганно уставиться на меня. Дорогой артефакт, зачарованный на вечное использование, развалился на две неровные части, и черные чернила медленно потекли по моим пальцам, пачкая белоснежную страницу Кодекса.

— Ой, Дарина... — Мира сделала шаг назад, увидев выражение моего лица.

— Вон. Обе. Немедленно, — мой голос был тихим, но в нем проснулась та самая демоническая ярость, которую я так долго подавляла.

Они не стали спорить и буквально вылетели из комнаты, оставив меня наедине с моими черными руками и разрушенным порядком на столе. Я смотрела на сломанное перо и понимала, что Адриан добился своего: он вывел меня из равновесия, заставил потерять контроль над собой и своими вещами. Но если он думает, что я сдамся и превращусь в одну из его фанаток, то он глубоко ошибается — этот раунд остался за ним, но война только начинается.

Я вытерла чернила салфеткой, чувствуя, как внутри кристаллизуется холодная, расчетливая решимость уничтожить его репутацию так же методично, как он уничтожил мой вечер. Адриан хочет шоу? Он его получит, но финал этой пьесы ему точно не понравится, потому что порядок всегда воз-

вращается, чтобы покарать хаос. Я медленно закрыла книгу и посмотрела в окно, где в темноте ночи мерцали огни Академии, обещающие новый день и новые возможности для мести.

Завтра я не буду структурированным параграфом. Завтра я буду твоим самым страшным кошмаром, Адриан.

И никакая техномагия не спасет тебя от того, что я приготовлю в ответ на твой «изысканный» комплимент, потому что я — Дарина Ведьмоград, и я не прощаю тех, кто смеет смеяться над моим миром.

Адриан

Покидая женский сектор, я чувствовал себя так, будто только что успешно деактивировал мину замедленного действия, предварительно постучав по ней молотком. Мой недавний визит к Дарине и её свите оставил после себя приятное послевкусие изысканной катастрофы. Эти девицы, хлопающие ресницами при каждом моём слове, напоминали мне стайку глупых птиц, решивших погреться на жерле вулкана. А сама Дарина — о, эта женщина была великолепна в своём праведном гневе, который она так старательно прятала под слоями этикета и ледяного безразличия.

Это было чертовски весело. Любая студентка моет стать моей, стоит мне поманить пальцем, но это скучно. А вот увидеть истинную ненависть в этой ледяной статье — вверх моего веселья. Когда она злиться — в моей душе разливается

теплота. День не прошел зря!

Я шел по переходу между секторами, насвистывая мелодию, которую подслушал в одном из значных мест Нижнего Гномити. Мои ботинки, модифицированные парой магнитных захватов, чеканили ритм по каменным плитам, выбивая искры из остатков вчерашней магии, витавшей в воздухе. В голове уже зрел план новой модификации для моего резонатора, когда путь мне преградило некое недоразумение в форменном плаще. Это был третьекурсник, судя по всему, из тех, кто считает, что магия Порядка — это лучший способ организовать свою коллекцию гербария по алфавиту.

— Господин Адриан! — воскликнул он, и его голос сорвался на предательский писк.

Я остановился, скрестив руки на груди.

— Если ты хочешь записаться в мой фан-клуб, то очередь начинается за тем углом и заканчивается где-то в районе помойки, — я окинул его взглядом, полным притворного сочувствия.

Юноша, которого, кажется, звали Лео, покраснел до корней волос и протянул мне коробку, обмотанную розовой лентой. От этого предмета исходил такой мощный запах дешевых духов и приторной романтики, что у меня непроизвольно зачесался нос. Внутри явно лежало нечто, способное вызвать диабет на расстоянии десяти метров, и я готов был поспорить на свой лучший набор отверток, что это предназначалось не мне.

— Это для леди Дарины... — пролепетал он, глядя на меня глазами побитого щенка. — Я слышал, что вы с ней... ну, что у вас союз. Я подумал, вы могли бы передать. Там стихотворение. Моего собственного сочинения.

Я медленно взял коробку, чувствуя, как внутри меня просыпается демон чистого, незамутненного злорадства. Внутри лежала записка на надушенной бумаге, и я краем глаза успел заметить рифмы вроде «роза-заноза» и «глаза-бирюза». Это было настолько плохо, что даже хорошо — идеальный снаряд для моей маленькой психологической войны против «железной леди». Моё собственническое раздражение, которое на миг вспыхнуло при виде чужого подношения, мгновенно сменилось азартом профессионального провокатора.

— О, Лео, ты настоящий герой, — я похлопал его по плечу, едва не сбив с ног. — Идти против системы с помощью плохих рифм — это дерзко.

В этот момент из-за поворота показалась группа моих «коллег» по мужскому сектору во главе с Кайлом. Эти оболтусы всегда были рады любому поводу отвлечься от нудных лекций по теории эфира и с удовольствием наблюдали за моими выходками. Они сразу заметили розовую коробку в моих руках и заржали так, что в соседней аудитории, вероятно, осыпалась штукатурка. Кайл подошел ближе, вытирая слезы от смеха, и ткнул пальцем в ленточку.

— Адриан, неужели ты решил сменить имидж бунтаря на

роль романтического болвана? — хохотнул Кайл.

— Не в этот раз, — я хитро прищурился, демонстрируя коробку всей честной компании. — Это подношение нашей святой Дарине от юного таланта. И у меня есть предложение.

Я обвел их взглядом, чувствуя себя заправским крупье в подпольном казино.

— Пари, джентльмены! — провозгласил я. — Ставлю три мана-кристалла на то, что Дарина уничтожит этот шедевр литературы в течение пяти секунд после того, как он окажется у неё в руках. И сделает это максимально эффектно. Кто со мной?

Кайл и остальные зашумели, оценивая шансы.

— Она слишком вежливая для этого, — засомневался один из адептов. — Максимум — поблагодарит и выбросит в ближайшую урну.

— Ты плохо её знаешь, — я усмехнулся, вспоминая, в каком настроении оставил её десять минут назад. — Сейчас она в том состоянии, когда любая лишняя капля хаоса вызывает у неё желание провести тотальную дезинфекцию реальности. Ну так что, принимаете ставку?

— Идет! — Кайл хлопнул меня по ладони. — Посмотрим, как твой «железный порядок» справится с розовыми соплями.

Мы двинулись к центральному переходу, который в это время всегда был забит студентами, спешащими на вечерние факультативы. Это было идеальное место для публич-

ного выступления — широкая галерея с высокими сводами, где каждый звук разносился гулким эхом. Я шел впереди, небрежно покручивая розовую коробку на пальце, а за моей спиной толпа адептов предвкушала зрелище. Я видел Дарину издали: она двигалась сквозь толпу, как ледокол сквозь рыхлый снег.

Её спина была прямой, как приговор.

Вокруг неё образовался вакуум тишины и порядка; даже самые отпетые прогульщики невольно подтягивались и умолкали, когда она проходила мимо. Она держала в руках увесистый том по юриспруденции, и её взгляд был устремлен вперед с такой целеустремленностью, будто она собиралась лично переписать законы физики. Я ускорил шаг, чувствуя, как внутри натягивается струна азарта, и преградил ей путь прямо в центре галереи, под прицелом сотен любопытных глаз.

— Снова ты, Адриан? — она даже не замедлила шаг, вынуждая меня отступить назад.

— О, Дарина, не будь такой колючей, — я изобразил на лице маску раскаяния, которая, уверен, выглядела крайне неубедительно. — Я тут подумал... наш недавний разговор был несколько... резковат. И я решил, что нам нужен жест примирения.

Я торжественно протянул ей розовую коробку, стараясь, чтобы ленточка кокетливо свисала с моего пальца.

— Это тебе, — я понизил голос до интимного шепота, ко-

торый разнесся по всему залу. — Мой личный вклад в твою систему ценностей. Здесь стихи, которые заставят твоё ледяное сердце забиться в ритме техномагического пульса.

Дарина остановилась. Время в галерее словно замерло. Я видел, как её вертикальные зрачки сузились, превратившись в две тончайшие черные нити на фоне стального холода радужки. Она перевела взгляд с моего лица на коробку, и я буквально кожей почувствовал, как вокруг неё начал сгущаться эфир. Это не был гнев — это было нечто более структурированное и опасное, чистая энергия Порядка, которая не терпит излишеств и неуместной сентиментальности.

— Стихи? — переспросила она, и её голос был тише шепота сухих листьев.

— Именно, — я подмигнул Кайлу, который замер в паре метров от нас. — Открой, тебе понравится. Там есть рифма к слову «вечность».

Дарина не стала брать коробку в руки. Она просто подняла ладонь, и воздух вокруг подарка внезапно завибрировал. Я почувствовал резкий запах озона — верный признак того, что она активировала заклинание «Истинного Очищения». В следующую секунду из её пальцев вырвался ослепительно белый всполох магии, окутавший розовое недоразумение. Коробка не загорелась в обычном смысле этого слова; она просто начала распадаться на атомы, превращаясь в мелкий серый пепел прямо в воздухе.

Это было красиво.

Стихотворение Лео, надушенная бумага, розовая ленточка — всё это исчезло за доли секунды, не оставив даже пятнышка на мраморном полу. Дарина даже не моргнула, когда последние крупницы пепла осели на её безупречно чистые туфли. Она посмотрела на меня так, будто я был досадным насекомым, которое она только что успешно аннигилировала, не прерывая своей прогулки. В галерее воцарилась такая тишина, что было слышно, как у кого-то в сумке тикают карманные часы.

— Твой «вклад» излишен, Адриан, — холодно произнесла она.

Она сделала шаг вперед, и я невольно расступился, освобождая ей дорогу.

— В следующий раз, когда решишь заняться благотворительностью, направь свою энергию на ремонт своего металлолома, — добавила она, даже не обернувшись. — Хаос не нуждается в рифмах, он нуждается в изоляции.

Я смотрел ей вслед, чувствуя, как на моем лице расплывается широкая, довольная ухмылка. Это было именно то, на что я рассчитывал. Чужой подарок был уничтожен её собственными руками, конкурент в лице несчастного Лео был ликвидирован еще до того, как успел открыть рот, а мой кошелек вот-вот должен был пополниться кристаллами. Я обернулся к Кайлу и протянул руку ладонью вверх, многозначительно поигрывая бровями.

— Три секунды, — констатировал я. — Кажется, я даже

переоценил её терпение.

Кайл со вздохом достал из кармана мешочек с кристаллами и швырнул его мне.

— Ты псих, Адриан, — пробормотал он, хотя в его глазах читалось явное восхищение. — Ты ведь знал, что она так сделает. Специально её разозлил в жилом блоке, чтобы она сейчас сорвалась на этой несчастной коробке.

— Чистый расчет и капелька техномагического предвидения, — я подбросил мешочек в воздух и поймал его. — Дарина ненавидит всё, что не вписывается в её схему идеального мира. А розовые ленточки — это самый быстрый способ довести её до белого каления.

Я чувствовал себя великолепно.

Вечер в Академии только начинался, а я уже одержал маленькую, но очень важную победу. Пусть Дарина думает, что она контролирует ситуацию, испепеляя всё на своем пути. На самом деле она всего лишь следовала моему сценарию, как идеально отлаженный механизм. И самое приятное в этой истории было то, что теперь никто больше не рискнет подкатывать к «моей» невесте с сопливыми стишками. Я не потерплю конкуренции на своем игровом поле, даже если эта конкуренция пахнет лавандой и пишет плохие рифмы. Мне совсем не нужно, чтобы моя Снежная Королева отвлекалась от нашей вражды. И у тем более, чтобы она в кого-то влюбилась.

Игра продолжается.

Я направился к выходу из галереи, насвистывая всё ту же мелодию. Впереди был целый вечер, полный новых возможностей для саботажа и мелких пакостей. Дарина могла строить свои ледяные крепости сколько угодно, но я всегда найду способ подложить под их фундамент порцию качественного хаоса. В конце концов, именно для этого я и здесь — чтобы напоминать этой идеальной женщине, что жизнь состоит не только из параграфов устава, но и из искр, взрывов и очень, очень плохой поэзии.

И мне это чертовски нравится.

Глава 3 Противостояние

Солнечная площадь Ведьмограда сегодня напоминала не то выставку достижений магического занудства, не то очень дорогой антикварный магазин под открытым небом. Белый мрамор слепил глаза так, будто кто-то решил начистить его до состояния зеркала исключительно ради того, чтобы поиздеваться над моим утренним похмельем от пыли архивов. В воздухе висел густой аромат благовоний, от которого хотелось не молиться богам магии, а немедленно эмигрировать в Гномити, где пахнет честным озоном и жженой проводкой.

Это было невыносимо.

Я спрыгнул со своей платформы, которая приземлилась с характерным лязгом, нарушая благопристойную тишину этого «храма чистого искусства». Моя «Малышка» еще вибрировала, изрыгая тонкую струйку сероватого дыма, который очень быстро начал портить стерильную атмосферу площади. Я специально не стал глушить мотор — пусть эти любители тишины и медитаций привыкают к звуку настоящего прогресса, а не к шелесту древних свитков.

— Опять ты со своим мусором, Адриан? — раздался голос, холодный, как лед в бокале с эльфийским вином.

Я обернулся и почувствовал, как внутри снова заскребло то самое чувство, которое я называл «синдромом Дарины». Она стояла на возвышении, прямая, как палка, которую ей,

видимо, вставили вместо позвоночника еще в колыбели. На ней была парадная форма Академии Ведьмограда — темно-синяя, расшитая серебром, без единой лишней складки или пылинки. Ее иссиня-черные волосы с этими бесячими белыми прядями были уложены волосок к волоску, а стальные глаза смотрели на меня так, словно я был не наследником Архангелиона, а внезапно ожившей кучей навоза.

— И тебе доброго утра, Снежинка! — я широко улыбнулся, прислонившись к капоту своей платформы. — Вижу, твой парикмахер сегодня превзошел сам себя. Сколько заклинаний фиксации ушло на этот шедевр? Пять? Десять?

— Порядок — это не только состояние души, но и внешнее проявление дисциплины, — отчеканила она, даже не моргнув. — Понятие, которое тебе явно незнакомо, судя по тому, что из твоего кармана торчит отвертка, а от куртки пахнет маслом для шестеренок.

— Зато от меня не пахнет нафталином и вековой скукой, — я парировал удар, заметив, как вокруг Дарины уже начали собираться те, кого я называл «золотой гвардией зануд».

Это были отпрыски самых влиятельных семей, которые считали, что магия — это привилегия избранных, а техномагия — удел тех, у кого не хватает мозгов на настоящие заклинания. Они стояли плотной кучкой, сверкая фамильными перстнями и глядя на меня с таким высокомерием, что можно было бы строить из него крепостные стены. Дарина была их королевой, их идеалом, их «железной леди», кото-

рая должна была привести их к победе в Турнире Элементов.

— Внимание! — голос Дарины усилился магией, проносясь над площадью подобно ледяному ветру. — Команда Порядка начинает набор. Мне нужны только лучшие. Те, кто понимает ценность тактики, самоконтроля и традиций. Мы не будем импровизировать. Мы будем действовать как единый механизм, выверенный до последнего движения. Победа — это результат дисциплины, а не случайности.

— Скукотища! — громко прокомментировал я, привлекая внимание тех, кто стоял поодаль от аристократической свиты.

Я запрыгнул на капот своей платформы и с размаху ударил по сенсорной панели переносного голографического терминала. Над площадью мгновенно развернулось гигантское неоновое изображение: скрещенные разрядник и магический посох на фоне взрывающихся искр. Музыка — тяжелый, ритмичный бит, смешанный с гулом мана-реакторов — ударила по ушам присутствующих, заставляя некоторых почтенных профессоров схватиться за сердце.

— Слушайте сюда, отщепенцы, техномаги и просто те, кому надоело зубрить мертвые языки ради похвалы от напудренных снобов! — заорал я, перекрывая гул.

Дарина сжала губы в тонкую линию, и я увидел, как ее вертикальные зрачки сузились до предела. Она ненавидела, когда нарушали ее сценарии. Ее магия Порядка начала вибрировать в воздухе, пытаясь подавить мой шум, структури-

ровать звуковые волны в нечто более приличное. Я буквально кожей чувствовал этот холодный пресс, который пытался заставить меня замолчать и встать по стойке «смирно».

— Моя команда — это не строй послушных оловянных солдатиков! — продолжал я, игнорируя ее давление. — Мне нужны те, кто готов рисковать. Те, кто знает, что лучшая тактика — это та, которую невозможно предугадать. Мы не будем следовать правилам, мы будем их переписывать под себя! Если вы хотите драйва, огня и прогресса, который не спрашивает разрешения у пыльных архивов — вам ко мне!

Студенты начали переглядываться. Площадь, только что бывшая монолитной, начала трещать по швам. К Дарине потянулись стройные ряды «чистокровных», тех, чья жизнь была расписана на сто лет вперед. Ко мне же начали стекаться те, кого в Академии Ведьмограда обычно не замечали: ребята в заляпанных мантиях, с приборами в руках, те, у кого в глазах горел не фанатичный блеск традиции, а живое любопытство экспериментаторов.

— Ты собираешь вокруг себя хаос, Адриан, — Дарина сделала шаг вперед, и под ее ногами мрамор покрылся тонкой коркой инея. — Ты обещаешь им свободу, но даешь лишь беспорядок. Хаос не выигрывает войны. Он пожирает сам себя.

— Твой порядок — это кладбище, Дарина, — я спрыгнул с платформы прямо перед ней. — Там всё очень аккуратно, всё по линейке, но там нет жизни. Ты хочешь победить в

Турнире, используя приемы, которым триста лет. Ты думаешь, что твои схемы спасут тебя, когда в дело вступит настоящая энергия?

— Твоя «энергия» — это просто неконтролируемые вспышки, — она скрестила руки на груди, и воздух вокруг нас стал ощутимо холоднее. — Ты всего лишь мальчишка, который играет с опасными игрушками, потому что боится настоящей ответственности. Моя команда будет действовать как часовой механизм. А твоя?

— А моя будет действовать как буря! — я вскинул руку, и с кончиков моих пальцев сорвался сноп бирюзовых искр, которые закружились вокруг нас, конфликтуя с ее ледяной аурой.

Мы стояли в самом центре площади, два наследника, две противоположности, и между нами искрило так, что казалось, еще секунда — и случится взрыв похлеще того, что мы устроили на арене. Студенты замерли, разделившись на две четкие группы. С одной стороны — идеальные ряды Дарины, застывшие как ледяные статуи. С другой — моя пестрая толпа, шумная, живая и готовая к любым безумствам.

— Посмотри на них, Дарина, — прошептал я, наклонившись к ее уху, чтобы никто не слышал. — Они уже выбрали. Твоя стена дала трещину.

— Это не трещина, Адриан, — она так же тихо ответила, глядя мне прямо в глаза своим пронзительным стальным взглядом. — Это просто фильтр. Слабые и неуравновешенные

ушли к тебе. Мне будет проще отсекать лишнее во время турнира.

— О, ты даже оскорблять умеешь так, будто зачитываешь приговор, — я не смог сдержать смешка. — Ценю твой стиль. Но помни: иногда именно «лишнее» оказывается тем самым винтиком, который ломает весь твой безупречный механизм.

Дарина ничего не ответила, лишь коротко кивнула своим сторонникам и начала церемонно уводить их в сторону учебных корпусов. Ее уход был похож на парадное шествие, величественное и предсказуемое. Я же остался на капоте своей платформы, провожая ее взглядом и чувствуя, как внутри закипает азарт. Это был не просто набор команд, это был официальный раздел мира на «до» и «после», на тех, кто цепляется за тени прошлого, и тех, кто готов сгореть в пламени будущего.

— Ну что, банда? — я обернулся к своей новой команде, которая смотрела на меня с надеждой и некоторым опасением. — Надеюсь, вы застраховали свои мантии, потому что в этом семестре в Академии будет очень, очень жарко.

Один парень, кажется, с факультета техномагической инженерии, робко поднял руку.

— А мы правда будем переписывать правила?

— Мы их не просто перепишем, парень, — я подмигнул ему, чувствуя, как в кармане вибрирует один из моих новых гаджетов. — Мы их распечатаем на 3D-принтере и исполь-

зую вместо мишеней для стрельбы файерболами. Добро пожаловать в команду прогресса!

Площадь постепенно пустела, но напряжение никуда не исчезло. Оно осталось вибрировать в камнях, в самом воздухе Ведьмограда. Я знал, что Дарина сейчас составляет подробнейший план тренировок, где каждая секунда будет учтена, а каждое движение проанализировано. Я же собирался сделать нечто совершенно иное. Нам нужно было нечто большее, чем просто тренировки. Нам нужен был хаос, который мы сможем направить в нужную сторону.

Я посмотрел вслед Дарине еще раз. Ее прямая спина исчезла за массивными дверями главного холла. Она думала, что победила в этом раунде, собрав «элиту». Но она забыла одну простую вещь: элита боится запачкать руки, а моим ребятам терять нечего, кроме своих допотопных учебников. Мы заложили фундамент для войны, и этот фундамент был сделан из взаимной ненависти, техномагических искр и ледяного презрения.

— Поехали, — скомандовал я, и «Малышка» взревела, срываясь с места и оставляя на безупречном мраморе Солнечной площади длинный черный след от перегретых стабилизаторов.

Турнир Элементов официально перестал быть спортивным состязанием. Теперь это была битва за право определять будущее. И я не собирался отдавать это право женщине, которая считает, что идеальный порядок — это высшая

цель существования. Порядок — это всего лишь отсутствие воображения. А воображения у нас было хоть отбавляй.

Я мчался по аллеям Академии, распугивая редких прохожих и чувствуя, как ветер бьет в лицо. Впереди было много работы, много споров и, скорее всего, еще больше разрушений. Но глядя на то, как солнце отражается в хромированных деталях моей платформы, я знал: это будет лучший сезон в моей жизни. Ведь нет ничего приятнее, чем разрушать чужие идеальные планы, особенно если их автор — Дарина.

Главная столовая Центральной светлой магакадемии всегда напоминала мне склеп, где вместо покойников хранят недоеденную овсянку и амбиции древних родов. Высокие своды, увешанные гобеленами с изображениями бородатых старцев, давили на психику не хуже гравитационного пресса, а звон серебряных ложек о фарфор звучал как погребальный марш по здравому смыслу. В воздухе висел тяжелый аромат тушеной капусты, смешанный с запахом старых свитков и высокомерия, которое здесь подавали в качестве бесплатного гарнира к любому блюду.

— Адриан, ты уверен, что это хорошая идея? — прошептал Макс, нервно оглядываясь по сторонам.

— Хорошие идеи — это для учебников по этикету, Макс, — я ухмыльнулся, проверяя настройки на своем планшете.

Моя команда — «банда новаторов», как нас уже успели окрестить в кулуарах — занимала самый дальний и обшар-

паннный стол. Мы выглядели как кучка пиратов, случайно затесавшихся на королевский прием: кожаные куртки, торчащие из карманов провода и вечный блеск азарта в глазах, который так бесил местных аристократов. Напротив нас, в самом центре зала под огромной люстрой из горного хрусталя, восседала «Золотая гвардия» во главе с Дариной. Они сидели так ровно, словно им в детстве вместо каши скармливали стальные линейки, а их мантии сияли чистотой, вызывая у меня острое желание что-нибудь на них пролить.

— Посмотри на них, — я указал подбородком в сторону Дарины. — Они даже жуют по протоколу. Раз, два, три — глоток. Чистая механика без капли души.

— Они смотрят на нас как на плесень, Адриан, — заметил кто-то из моих ребят.

— Плесень — это тоже форма жизни, причем весьма живучая, — я подмигнул и нажал кнопку активации на терминале.

Из-под стола бесшумно вылетел мой маленький шедевр — модернизированный дрон «Пиксель», оснащенный оптическим камуфляжем и парой манипуляторов, которые я позаимствовал из лаборатории техномагии. Он завис под потолком, сливаясь с тенями, отбрасываемыми люстрой, и начал медленно дрейфовать в сторону стола «Порядка». Сегодня в меню был «Сияющий суп вечности» — вязкая, ярко-фиолетовая субстанция, которая светилась в темноте и, по слухам, могла вызвать легкие галлюцинации, если ее

неправильно приготовить. Огромная супница стояла в самом центре их стола, испуская призрачный пар и маня своей нестабильной магической структурой.

— Внимание, Пиксель, — прошептал я в микрофон. — Цель — супница. Маневр — «Случайный сбой навигации». Поехали.

Дрон резко пошел на снижение, имитируя потерю сигнала. Он пронесся над головами студентов, заставляя их испуганно пригибаться, и с филигранной точностью врезался в край массивной серебряной супницы.

— Ой, кажется, у кого-то проблемы с пилотированием! — крикнул я, вскакивая со своего места.

Раздался сочный хлопающий звук, и фонтан ярко-фиолетовой жижи взметнулся вверх, накрывая стол Дарины ровным слоем липкого сияния. Лорд Вайн, главный подпевала из свиты Дарины, получил основной удар: его белоснежная мантия мгновенно превратилась в нечто, напоминающее костюм бешеного единорога. Жижа стекала с его носа, капала на безупречно чистые тарелки и светилась так интенсивно, что казалось, будто стол сейчас взлетит. Дарина успела вскинуть руку, возводя мгновенный щит, но несколько капель все же осели на ее иссиня-черных волосах, мерцая в свете ламп.

— Адриан! — ее голос перекрыл наступившую тишину, и в нем было столько льда, что в столовой сразу похолодало.

— Это не я, это техника! — я развел руками, едва сдерживая хохот. — Ты же знаешь, техномагия — штука каприз-

ная, требует тонкой настройки, а не только твоих ледяных взглядов!

— Ты ответишь за это святотатство! — взревел лорд Вайн, пытаясь оттереть суп салфеткой, которая тут же приклеилась к его руке.

Он вскинул руку, и в мою сторону полетел увесистый пирожок, заряженный магией огня. Я едва успел пригнуться, и снаряд врезался в стену за моей спиной, разлетаясь на сотни дымящихся крошек. Это стало сигналом для всех: столовая в мгновение ока превратилась в зону боевых действий. Мои ребята, недолго думая, достали свои модифицированные столовые приборы — вилки, бьющие током, и ложки-катапульти, стреляющие кашей с самонаведением. В воздухе свистели булочки, летали струи компота, а магические искры сталкивались с техномагическими разрядами, создавая невообразимый хаос.

— Вперед, новаторы! Покажем им, что такое динамический завтрак! — проорал я, отбивая летящую в меня тарелку подносом.

Дарина стояла в центре этого безумия, как скала в штормовом море. Она вскинула обе руки, и вокруг ее стола начал формироваться мощный силовой купол, который отбивал любые снаряды, будь то магия или запеканка. Ее глаза светились холодным серебром, а вертикальные зрачки сузились, фиксируя каждое мое движение. Она была воплощением порядка, пытающимся структурировать хаос, который я

так заботливо возвращивал каждую секунду этой потасовки.

— Прекратите это немедленно! — крикнула она, и волна чистой энергии разошлась от нее, прижимая ближайших студентов к полу.

— Да брось, Снежинка! — я пробрался ближе, используя перевернутый стол как укрытие. — Твой купол скучен, как твои лекции! Он просто стоит и ничего не делает! Посмотри на мой хаос — он живой, он движется, он побеждает твою статику!

— Твой хаос — это просто отсутствие дисциплины и уважения к традициям! — она шагнула навстречу, и под ее ногами пол покрылся инеем.

— Традиции — это просто привычки мертвецов, Дарина! — я выскочил из-за укрытия, активируя свой личный щит. — А мы живы! Мы меняем правила прямо сейчас, пока ты пытаешься сохранить лицо, измазанное супом!

Я видел, как она на мгновение замешкалась, глядя на разрушения вокруг. Половина столовой была залита фиолетовой жижей, люстра опасно раскачивалась, а студенты из «Старой гвардии» выглядели как жертвы взрыва на фабрике красок. Моя команда торжествовала, используя гаджеты, чтобы уворачиваться от заклинаний и наносить точечные удары едой. Это было унижение для «Порядка» — их методичная тактика разбилась об импровизацию и наглость. Дарина понимала это, и я видел, как в ее глазах ледяное спокойствие сменяется жгучей, почти первобытной яростью.

— Ты хочешь битвы, Адриан? — прошептала она, но я услышал каждое слово сквозь грохот падающей мебели.

— Я хочу жизни, Дарина! А битва — это просто способ почувствовать себя живым! — я улыбнулся своей самой дерзкой улыбкой.

Она начала плести сложное заклинание, и воздух вокруг нас зазвенел от напряжения. Я уже потянулся к своему главному козырю — ЭМИ-гранате, спрятанной в сапоге, — как вдруг двери столовой распахнулись с таким грохотом, что все замерли на месте. На пороге стояла Драгунья Мистефовна. Ее фигура, облаченная в строгую черную мантию, казалась огромной, а магическое давление, которое она излучала, заставило даже мой дрон рухнуть на пол безжизненным куском железа.

— Что здесь... происходит? — ее голос был тихим, но от него мурашки пробежали по коже даже у самых отчаянных драчунов.

Наступила гробовая тишина, нарушаемая только шлепками падающего с потолка мана-супа. Лорд Вайн попытался что-то сказать, но лишь издал невнятный хлюпающий звук. Мистефовна медленно прошла по залу, оглядывая руины того, что еще десять минут назад было образцовой столовой. Ее взгляд остановился на мне, а затем переключился на Дарину, которая все еще стояла в боевой позе, окутанная остатками инея.

— Наследники великих империй, — произнесла ректор

с нескрываемым презрением. — Ведут себя как уличные мальчишки, не поделившие яблоко.

— Это был несчастный случай с оборудованием, госпожа ректор, — я попытался придать лицу невинное выражение, хотя фиолетовые пятна на моей куртке говорили об обратном.

— Несчастный случай? — она подняла бровь, указывая на прилипший к потолку пирожок. — Ваша тяга к «инновациям», Адриан, переходит все границы. А вы, Дарина, не смогли удержать свою фракцию в рамках приличия.

Дарина опустила голову, и я увидел, как она сжала кулаки так сильно, что костяшки побелели. Она ненавидела проигрывать, а это было поражение по всем фронтам. Мы оба стояли перед ректором, как провинившиеся первокурсники, и вся столовая наблюдала за нашим позором. Вражда, которая раньше тлела под пеплом притворства, теперь вспыхнула ослепительным пламенем, которое невозможно было потушить.

— Раз вы так стремитесь к сражениям, — Мистефовна обвела взглядом притихших студентов, — то Турнир Элементов станет для вас не просто зачетом. Это будет официальное разрешение выяснить, чья философия имеет право на жизнь.

Я почувствовал, как сердце забилось чаще — именно этого я и хотел, хотя цена оказалась выше, чем я предполагал. Турнир теперь не был просто игрой, это была война за буду-

щее Академии, за право быть услышанным. Дарина подняла на меня взгляд, и в нем я прочитал обещание: на арене пощады не будет. Она уничтожит меня и мой «хаос» самым методичным и болезненным способом, какой только сможет придумать ее дисциплинированный мозг.

— А теперь, — Мистефовна взмахнула жезлом, — приведите этот зал в порядок. Без магии. Вручную. Все до единого.

Разочарованный стон прокатился по рядам студентов, но никто не посмел возразить. Я посмотрел на Дарину, которая уже взяла в руки тряпку с таким видом, будто это был легендарный меч ее предков. Мы оба понимали, что этот инцидент окончательно разделит курс на два лагеря, и обратного пути нет. Турнир станет решающим сражением, и я собирался подготовить для Дарины столько сюрпризов, что ее «Порядок» просто рассыплется на атомы под натиском моего техномагического прогресса.

— Эй, Снежинка! — крикнул я ей, когда она прошла мимо. — Оставь немного супа на волосах, тебе идет этот оттенок фиолетового!

— Молчи, Адриан, — процедила она, не оборачиваясь. — Твоя следующая «инновация» станет твоим последним воспоминанием об этой Академии.

Я лишь рассмеялся, подхватывая швабру как знамя. Битва в столовой была проиграна ректору, но война только начиналась, и я чертовски любил это чувство предвкушения большого взрыва. Ведь в конце концов, из самого густого ха-

оса всегда рождается что-то новое, и я собирался быть тем, кто нажмет на кнопку детонатора.

Дарина

Если бы пафос имел физическую форму, то сегодня арена «Вихрь Истины» захлебнулась бы в золоченой патоке и конфетти. Представьте себе: тысячи восторженных идиотов, которые заплатили за билеты в тридорога, чтобы посмотреть, как два элитных отпрыска будут картинно бить друг друга физиономии магией. Центр Светлой Магакадемии в такие дни напоминает не храм знаний, а очень дорогой и очень шумный зоопарк, где клетки забыли запереть. Воздух пропитан запахом озона, пережаренной кукурузы и коллективно-го ожидания крови, завернутой в обертку благородного поединка. Иронично, не правда ли?

Это не турнир, это цирк с конями.

Мои родители, Далл и Мел, сидят в императорской ложе с такими лицами, будто они лично прописывали сценарий этого мирового шоу. Мама поправляет свою безупречную прическу, а отец многозначительно кивает Риану, папе Адриана. Они всё еще верят, что мы с этим ходячим недоразумением — наследники великой дружбы. Ха! Если наша «дружба» — это великое достижение, то я — балерина из Нижних уровней Гномити. Глядя на них, я чувствую, как в груди начинает

ворочаться моя демоническая часть, желающая просто разнести эту трибуну к чертям собачьим.

— Дарина, детка, не забудь про спину! — прокричала мама, послав мне воздушный поцелуй.

— Конечно, мама, — прошептала я себе под нос, сжимая рукоять учебного жезла. — Я выпрямлю её так, чтобы она не сломалась, когда я буду смеяться над трупом репутации Адриана.

Быть трибридом — это как пытаться смешать в одном блендере элитное вино, святую воду и чистый спирт. Внутри меня вечно спорят три идиота: эльф требует эстетики и рефлексии, светлый маг жаждет порядка и правил, а демон просто хочет кого-нибудь укусить. Сегодня магия порядка берет верх, потому что без неё я бы просто взорвалась от этого шума. Мои черные волосы, перехваченные стальным обручем, идеально лежат на плечах, а две белые пряди у лица светятся холодным серебром. Я — воплощение ледяного контроля в этом море восторженного безумия.

Гул трибун внезапно сменился на восторженный вопль, от которого у меня заложило уши.

Это означало только одно: на арену вышел главный клоун нашего шапито.

Адриан не просто вышел, он устроил техномагическое шоу, от которого у консерваторов из Старой гвардии наверняка случился коллективный инфаркт. Он прилетел на своей модифицированной грави-платформе, которая изрыгала

неоновые искры всех цветов радуги и гремела музыкой, похожей на предсмертные крики стиральной машины. Его кожаная куртка сверкала медными заклепками, а в руках он крутил какую-то светящуюся сферу, которая больше напоминала запрещенный артефакт, чем турнирный инструмент. Он спрыгнул с платформы в самом центре арены, подняв облако сверкающей пыли, и картинно раскланялся, будто уже выиграл войну.

— Доброе утро, Академия! — проорал он, игнорируя все правила этикета. — Надеюсь, вы готовы к настоящему прогрессу, а не к этой пыльной скуке, которую вам сейчас попытаются продать!

— Посмотрите на него, — процедила я, когда он вальжной походкой направился в мою сторону. — Опять нацепил на себя всё, что нашел на свалке.

— Это называется стиль, Дарина, — Адриан остановился в паре метров от меня, и я снова увидела его глаза.

Гетерохромия — его личное проклятие и мой главный раздражитель. Один глаз серый, как туман над руинами, второй — ярко-зеленый, как ядовитый мана-кристалл. В них всегда пляшет столько самоуверенности, что её хватило бы на целую армию мятежников. Он тоже трибрид, но в отличие от меня, его внутренняя сущность — это не коктейль, а сплошная анархия. Он ухмылялся той самой бесячей улыбкой, за которую в Ведьмограде выдают пожизненный эцих с гвоздями, и покручивал свою сферу, которая издавала про-

тивный вибрирующий звук.

— Ты выглядишь так, будто проглотила учебник по истории и он застрял у тебя в горле, — заметил он, рассматривая мой наряд.

— А ты выглядишь как жертва взрыва в магазине запчастей, — отпарировала я, не меняясь в лице.

Мы замерли друг против друга, создавая тот самый психологический пат, который так любят описывать в дешевых романах. Воздух между нами стал плотным, наэлектризованным до предела: моя магия порядка пыталась структурировать пространство, выстраивая невидимые ледяные решетки, а его хаотичная техномагия разрывала их в клочья. Мы стояли в эпицентре бури, которую сами же и создали, пока толпа на трибунах бесновалась, требуя начала боя. Никто из них не понимал, что настоящая битва уже идет — битва волею, которую невозможно увидеть невооруженным глазом.

— Слушай, Дарина, — Адриан понизил голос, и в его глазах мелькнула опасная искра. — Давай сделаем это красиво. Без этих твоих занудных клятв о «чести и достоинстве».

— Предлагаешь сразу перейти к взаимным оскорблениям и порче имущества? — я скептически выгнула бровь.

— Предлагаю пари, — он подбросил свою сферу и поймал её. — Если я выиграю, ты признаешь, что прогресс круче твоих свитков, и... ну, скажем, разрешишь мне модернизировать твое перо.

— Снова? — я вспомнила инцидент на лекции Крэгвел-

ла, и мои кулаки сжались сами собой. — Чтобы оно снова писало гадости профессору? Нет уж, Адриан. Если выиграю я, ты неделю будешь ходить в классической мантии и цитировать устав Академии вместо завтрака.

— Жестоко, — он притворно схватился за сердце. — Ты настоящая демоница под этой ледяной коркой. Но я принимаю вызов.

В этот момент на трибуне поднялась Драгунья Мистефова, и её жезл ударил о пол с таким звуком, будто взорвали склад петард. Толпа мгновенно стихла, погрузившись в напряженное ожидание. Наступила та самая секунда, когда время замирает перед катастрофой, и ты чувствуешь каждое движение воздуха. Традиционно мы должны были обмениваться клятвами верности идеалам магии, но я знала, что Адриан этого не сделает. Я тоже не собиралась разыгрывать этот пафосный спектакль ради удовольствия Старой гвардии.

— Клянусь, что сегодня в этой аудитории... простите, на этой арене, станет на одного зазнайку меньше, — громко произнесла я.

— А я клянусь, что после этого боя ты наконец-то поймешь, что порядок — это просто очень скучная форма хаоса! — выкрикнул Адриан в ответ.

Зрители ахнули. Это не было похоже на торжественное начало финала, это было похоже на начало драки в портовом кабаке, только с использованием магии высшего порядка. Я видела, как Риан в ложе прикрыл лицо рукой, а мой отец

Далл внезапно проявил интерес к своему бокалу с вином. Они хотели видеть символ единства наших империй, а получили двух подростков, которые готовы вцепиться друг другу в глотки. Но именно в этот момент я почувствовала странный прилив адреналина — чистый, незамутненный азарт, который бывает только в шаге от пропасти.

— Знаешь, Адриан, твой выход с музыкой был просто от-
вратителен, — сказала я, делая первый шаг назад для боевой стойки.

— Завидууй молча, Снежинка, — он подмигнул мне своим зеленым глазом. — Сейчас я покажу тебе настоящий ритм.

Я вскинула руку, и холодный свет моей магии начал концентрироваться на кончиках пальцев, превращаясь в острые, как бритва, ледяные иглы. Адриан в ответ активировал свою сферу, и вокруг него развернулось мерцающее силовое поле, полное бегающих искр и странных символов. Мы были готовы. Два трибрида, два наследника, два заклятых друга, которые ненавидели друг друга так сильно, что это почти напоминало притяжение.

— Помни, Дарина, — бросил он напоследок. — Никаких правил.

— Правила — это то, что позволит мне собрать тебя по кусочкам после боя, — ответила я.

Сигнал к началу поединка прозвучал как гром среди ясного неба. Мир вокруг нас исчез, превратившись в калейдоскоп из света, шума и ярости. Я видела только его разно-

цветные глаза и ту самую наглуую ухмылку, которую мечтала стереть с его лица последние десять лет. Турнир Элементов официально начался, и я знала одно: это будет самый долгий и самый искрометный финал в истории этой дряхлой Академии. Потому что когда порядок сталкивается с прогрессом в лице двух обиженных трибридов, выживает только тот, у кого крепче нервы и злее магия.

Арена «Вихрь Истины» в этот момент больше напоминала не место для честных магических состязаний, а гигантский миксер, в который какой-то безумный повар закинул битое стекло, жидкий неон и щепотку первородного хаоса. Воздух звенел так, что у меня начали чесаться зубы, а в голове пульсировала единственная мысль: если я сейчас не вкатаю Адриана в этот древний песок, то моя репутация «железной леди» превратится в тыкву еще до полуночи. Моя магия порядка выстраивала в пространстве безупречные гексагональные щиты, каждый из которых был прозрачен и холоден, как айсберг в полнолуние. Я видела сквозь них, как Адриан носится по арене, оставляя за собой шлейф из бирюзовых искр и какой-то технической гари, которую он гордо именовал «выхлопом прогресса».

Добро пожаловать в мой личный кошмар.

Я вскинула руку, и серия ледяных пик сорвалась с моих пальцев, вычерчивая в воздухе математически выверенные траектории. Адриан лишь хохотнул, крутанув свою сферу-дрон, которая с противным механическим визгом выплю-

нула облако антимагических помех.

— Дарина, детка, твоя геометрия безнадежно устарела! — проорал он, закладывая вираж на своей платформе. — Давай добавим в этот скучный вечер немного неоновой дискотеки!

— Твоя дискотека пахнет паленой проводкой и дешёвым пафосом, Адриан! — отрезала я, призывая свою демоническую кровь. — Порядок не устаревает, он просто ждет, пока мусор сам себя утилизирует.

Я чувствовала, как внутри меня пробуждается та самая часть, которую мама называла «наследием бездны». Это не было просто силой; это было похоже на то, как если бы в твою идеально чистую и тихую библиотеку ворвался стадо разъяренных мантикор. Моя светлая магия пыталась сдержать этот порыв, заковать его в кандалы логики, но Адриан провоцировал меня каждым своим движением. Его сферы-дроны теперь кружили вокруг меня, создавая электромагнитную сеть, которая противно жалила кожу и заставляла мои волосы вставать дыбом, что, согласитесь, совершенно не шло к моему парадному облику.

Он нажал кнопку на своем запястье, и три сферы одновременно выпустили мощные заряды чистой техномагической энергии.

Я не стала уклоняться. Это было бы слишком просто и недостаточно эффектно для финала, на который мои родители потратили годовой бюджет небольшой провинции. Вместо этого я выставила ладонь вперед, создавая зеркальный

щит, основанный на принципах возвратной симметрии. Заряды Адриана ударились в него, на мгновение замерли, а затем с удвоенной скоростью полетели обратно, приобретая по пути приятный морозный оттенок.

— Ой-ой, кажется, прогресс только что получил по носу!

— я позволила себе тонкую, язвительную улыбку.

— Это была лишь калибровка, Снежинка! — Адриан едва успел выставить силовой барьер, который на мгновение ослепил всех присутствующих вспышкой ядовито-зеленого света.

Зрелище было грандиозным, если вы любите смотреть на то, как рушатся многовековые традиции под аккомпанемент взрывов. Старая гвардия на трибунах выглядела так, будто их всех одновременно заставили пить лимонный сок без сахара. Они привыкли к пафосным жестам, к долгим заклананиям на латыни и к тому, что дуэли проходят в рамках «высокого искусства». А мы с Адрианом... мы просто превращали арену в зону техногенной катастрофы. Его магия хаоса, скрещенная с техномагией, была непредсказуема, как пьяный гоблин с гранатой, и это бесило меня больше всего.

Воздух вокруг нас начал сгущаться, приобретая странный, фиолетово-серый оттенок, который мне очень не нравился.

— Адриан, останови свои консервные банки, — предупредила я, чувствуя, как мана в пространстве начинает вести себя крайне странно. — У нас тут резонанс намечается.

Ты хоть понимаешь, что твои импульсы входят в конфликт с моей структурой?

— Резонанс — это же весело! — он снова нажал на какой-то рычаг, и его платформа задрожала. — Это и есть объединение империй в действии, разве нет? Мы создаем нечто новое!

— Мы создаем дыру в пространстве, идиот! — я выкрикнула это уже не из вредности, а из реального опасения за целостность собственных костей.

Но было поздно. Наши силы — моя холодная, структурированная магия Порядка и его ревуций, электрический хаос Прогресса — столкнулись не как противники, а как две части одного безумного пазла. В какой-то момент звук исчез. Наступила абсолютная, звенящая тишина, в которой я слышала только стук своего сердца и тихое, издевательское тиканье какого-то прибора в кармане Адриана. Мы оба замерли, связанные невидимой нитью магической обратной связи. Наша трибридная природа, эта гремучая смесь из демонической ярости и светлого спокойствия, резонировала с мощностью техномагических излучателей.

А потом реальность решила, что с неё хватит, и просто лопнула.

Взрыв не был огненным в привычном смысле слова. Это была волна чистой, нефильтрованной энергии, которая прошла сквозь трибуны, превращая защитные барьеры судей в жалкие ошметки. Древние камни арены, помнившие еще

первых императоров, начали крошиться, словно они были сделаны из засохшего печенья. Глубокие трещины побежали по стенам, и я увидела, как Драгунья Мистефовна в ужасе вскакивает со своего места, размахивая жезлом и пытаясь удержать купол над зрителями.

Нас подбросило в воздух и швырнуло в разные стороны.

Я ударилась о стену с таким звуком, будто кто-то решил проверить на прочность большой барабан. В глазах поплыли круги, а во рту появился металлический привкус крови. Где-то неподалеку я слышала, как Адриан борется с обломками своей платформы, которая теперь выглядела как груда металлолома, решившая скоростигжно скончаться.

— Живой? — прохрипела я, пытаясь оттолкнуть от себя кусок колонны, который еще минуту назад был шедевром архитектуры.

— Почти... — донеслось из облака пыли. — Кажется, я только что изобрел новый способ демонтажа зданий. Ты как, Снежинка?

— Как человек, который очень хочет тебя придушить, — я кое-как поднялась на ноги, отряхивая пыль с того, что осталось от моего безупречного платья.

Пыль медленно оседала, обнажая масштаб катастрофы. Арена «Вихрь Истины» лежала в руинах. От некогда величественного амфитеатра остались только живописные развалины, которые могли бы украсить любой учебник по истории падения цивилизаций. Судьи стояли в гробовом молчании,

их лица были бледными, а мантии — безнадежно испорченными. Мистефовна смотрела на нас таким взглядом, каким обычно смотрят на всадников апокалипсиса, которые перепутали адрес и приехали слишком рано.

Тишина на трибунах была такой густой, что её можно было резать ножом и подавать на десерт.

— Это... это было выдающееся проявление неуважения к традициям, — наконец выдавила из себя ректор, и её голос дрожал от ярости. — Вы не просто не смогли выявить победителя, вы уничтожили символ нашего единства!

Адриан вылез из-под обломков, потирая ушибленное плечо, и попытался изобразить свою фирменную ухмылку, но получилось как-то криво.

— Ну, технически, мы объединили наши силы, — заметил он, кивнув в сторону дымящейся воронки в центре поля. — Разве не этого вы хотели от наследников?

— Молчать! — рявкнула Мистефовна. — Объявляется ничья. Но не та ничья, которой гордятся. Вы оба проиграли здравому смыслу.

Я стояла рядом с ним, чувствуя, как магия внутри меня постепенно утихает, оставляя после себя только пустоту и жуткую усталость. Мы смотрели на родителей. Далл и Мел выглядели так, будто их только что публично выпороли, а Риан и Аля... мама Адриана, кажется, едва сдерживала смех, прикрывая рот ладонью, в то время как Риан задумчиво оценивал стоимость ремонта. Но их поддержка нам сейчас не

светила. Судейская коллегия уже сгрудилась в кружок, быстро обсуждая наше наказание.

Это не могло закончиться просто выговором.

— Учитывая колоссальный ущерб и вашу неспособность к мирному сосуществованию, — Мистефовна снова взяла слово, и её тон не предвещал ничего хорошего, — совет принял решение. Вы лишаетесь всех привилегий на месяц.

— О нет, только не лишение карманных расходов на ма-на-кристаллы! — вполголоса прокомментировал Адриан.

— Хуже, мистер Адриан, — ледяным тоном продолжила ректор. — Отныне и до конца восстановительных работ вы оба назначаетесь на исправительные работы в Зброшенне архивы Вельмограда. Совместно. Под личную ответственность хранителя Волиса.

Я почувствовала, как у меня подкосились ноги. Зброшенне архивы? Это же то самое место, где книги кусаются, полки меняют направление движения трижды в час, а пыль обладает собственным интеллектом и склонностью к сарказму. И мне придется провести там недели в компании этого техномагического маньяка, который наверняка попытается «модернизировать» даже библиотечную картотеку.

— Это несправедливо! — выпалила я, хотя знала, что спорить бесполезно. — Мы ведь защищали честь своих фракций!

— Вы защищали только свое эго, — отрезала Мистефовна. — Завтра в шесть утра жду вас у входа в библиотечный

лабиринт. Не опаздывать. И, Адриан... если я увижу там хоть одну твою отвертку, я лично превращу тебя в тостер.

Я посмотрела на Адриана. Он смотрел на меня. В его глазах — сером и зеленом — плясали отражения нашего общего поражения.

— Ну что, напарница? — он подмигнул мне, хотя вид у него был довольно помятый. — Пойдем пыль глотать? Говорят, в архивах Ведьмограда водятся призраки старых библиотекарей, которые обожают читать лекции по этикету.

— Я тебя ненавижу, — искренне ответила я, понимая, что это только начало нашего кошмара.

— Я знаю, Снежинка. Я знаю.

Мы уходили с разрушенной арены под свист и улюлюканье толпы. Иронично: мы хотели доказать свою силу, а в итоге доказали только то, что вместе мы — идеальное оружие массового поражения. И теперь нам предстояло самое сложное испытание в нашей жизни: не поубивать друг друга в тишине бесконечных книжных залов, где никто не услышит наших криков. По крайней мере, я надеялась, что призраки библиотекарей не очень обидчивы, потому что затыкать Адриана я планировала долго и со вкусом.

Если бы у разочарования был запах, оно бы пахло старой кожей, плесенью и несправедливостью. Именно этим букетом встретили меня Зброшенные архивы Ведьмограда ровно в шесть утра. Шесть утра! В это время даже демоны в мо-

ей крови обычно предпочитают спать, свернувшись уютным клубочком, а не тащиться в подвалы, где пыль лежит слоями толщиной с мой учебник по праву. Моё парадное платье после вчерашнего Турнира превратилось в тряпку, а репутация «железной леди» дала такую трещину, что в неё мог бы провалиться целый Гномити.

Ничья. Это слово жгло меня изнутри сильнее, чем самый едкий техномагический состав.

Я стояла перед массивными коваными дверями, чувствуя, как магические каналы до сих пор гудят от вчерашнего перенапряжения. Мои идеально уложенные волосы теперь казались чем-то из прошлой жизни, а белые пряди у лица раздражающе лезли в глаза. В голове всё ещё стоял гул разрушающейся арены и издевательский смех Адриана. Этот самодовольный идиот умудрился превратить финал века в катастрофу регионального масштаба, и теперь я должна была разгребать последствия вместе с ним.

— О, леди Дарина, вы выглядите... целеустремленно. Хотя «помято» было бы более точным определением, — раздался вальяжный голос сверху.

Я подняла голову. На верхней ступеньке лестницы, парящей в метре от пола, стоял Волис. Домовой-библиотекарь выглядел так, будто только что сошёл с обложки журнала «Безупречный этикет для бессмертных». Его чёрный костюм был идеально отутюжен, а родинка на длинном аристократическом носу словно насмеялась над моими испачканными

сажей манжетами. Он смотрел на нас с Адрианом как на досадное недоразумение, которое внезапно обрело ноги и решило наследить на его священной территории.

— И вам доброго утра, Волис. Надеюсь, моё присутствие не слишком оскорбляет ваш эстетический вкус? — ядовито процедила я, сжимая кулаки.

— Ваше присутствие — это факт, с которым мне придётся смириться, — Волис изящно спрыгнул с лестницы, даже не пошатнувшись. — Господин Адриан, а вы, я вижу, решили притащить с собой весь свой склад металлолома?

Адриан, привалившийся к холодной стене, только хмыкнул. Он выглядел возмутительно бодрым для человека, который вчера чуть не сровнял с землёй половину Академии. В руках он крутил какую-то новую железку, утыканную линзами и проводами, а его серый и зелёный глаза светились нездоровым исследовательским азартом. На нём была всё та же кожаная куртка, покрытая слоем пыли, и он всем своим видом выражал полное пренебрежение к авторитету хранителя знаний.

— Это не металлолом, Волис, а портативный спектральный анализатор седьмой серии, — Адриан подмигнул домовому. — С его помощью мы закончим здесь до обеда.

— Мечтайте, юноша, — домовый усмехнулся, взмахнув рукой в сторону тёмного зева коридора. — Ваша задача на сегодня — сектор «Живой истории». Нужно рассортировать фолианты по хронологии и успокоить тех, кто слишком бук-

важно воспринял термин «живая». Помните: книги кусаются. Если кто-то из вас потеряет палец, постарайтесь не запачкать кровью обложки. Это очень портит переплёт.

— Прекрасно. Просто великолепно, — пробормотала я, шагая в темноту.

Сектор «Живой истории» оправдал мои худшие ожидания. Это был лабиринт из стеллажей, которые, казалось, дышали. Воздух здесь был тяжёлым, насыщенным остаточной магией и каким-то звериным запахом. Полки периодически вздрагивали, а из глубины рядов доносилось приглушённое рычание и хлопанье страниц. Это были не просто книги; это были сгустки информации, обретшие волю и зубы. Моя магия порядка внутри меня протестующе взывала, стремясь немедленно приструнить этот хаос.

— Так, Снежинка, план такой: ты хватаешь те, что поменьше, а я запускаю сканер, — Адриан уже вовсю ковырялся в своём приборе.

— Ты слышал Волиса, Адриан. Нам нужно работать руками, а не твоими сомнительными гаджетами, — я подошла к ближайшей полке, где толстый том в чешуйчатой коже подозрительно прищурился на меня корешком.

— Руками работают те, у кого нет мозгов и техномагического образования, — он нажал кнопку, и его сканер издал пронзительный писк, выпустив веер тонких бирюзовых лучей. — Смотри и учись, леди Порядок. Сейчас я составлю карту этой свалки за пять минут.

Я вздохнула, пытаясь усмирить демоническую ярость.

— Если этот твой «анализатор» взорвётся, я лично скормлю тебя вон тому справочнику по ядам, — я указала на книгу, которая как раз в этот момент пыталась отгрызть кусок соседнего стеллажа.

— Ой, как страшно, я прямо задрожал, — Адриан рассмеялся, направляя лучи на стеллаж с «Мемуарами великих войн».

Первые несколько минут всё шло подозрительно гладко. Лучи сканера скользили по корешкам, считывая названия и занося их в память устройства. Адриан самодовольно улыбался, поглядывая на меня, пока я осторожно переставляла особо агрессивные томики, стараясь не попасть под раздачу их острых углов. Но магия этого места была слишком древней и своенравной, чтобы позволить какому-то механизму так бесцеремонно копаться в своих секретах. Воздух начал вибрировать, наполняясь статическим электричеством.

— Адриан, выключи это. Сейчас же! — я почувствовала, как моя магия порядка начала резонировать с чем-то внутри его прибора.

— Ещё секунду, почти всё... Черт! — Адриан внезапно тряхнул рукой.

Сканер в его руках начал издавать звуки, больше похожие на захлёбывающийся кашель. Бирюзовые лучи внезапно сменили цвет на ядовито-красный и начали хаотично метаться по залу. Прибор, настроенный на поиск аномалий,

внезапно «увидел» меня. Точнее, он считал мою трёхприродную магию как мощнейший источник искажения реальности. Для его ограниченных алгоритмов я была не наследницей империи, а системной ошибкой, которую нужно было немедленно локализовать.

— Адриан! Он целится в меня! — закричала я, когда красный луч замер на моей груди.

— Он... он завис! Он воспринимает твой Порядок как вирус! — Адриан лихорадочно защёлкал тумблерами.

В ту же секунду сканер выдал мощный импульс. Энергия ударила в мои щиты, которые я едва успела возвести. Грохот столкновения магических структур эхом разнёсся по архивам. Но хуже всего было то, что этот импульс послужил сигналом для «Живой истории». Книги, до этого момента лишь лениво рычавшие, одновременно сорвались со своих мест. Сотни томов взмыли в воздух, хлопая страницами как крыльями, и бросились на нас, привлечённые вспышкой хаотичной энергии.

Это был настоящий книжный апокалипсис.

— Прикрой меня! — заорал Адриан, приседая за какой-то тумбой. — Мне нужно перепрошить ядро, пока он не выжёт нам мозги!

— Ты издеваешься?! — я вскинула руки, создавая вокруг нас полусферический купол из чистого света. — Почини свой мусор немедленно, или мы станем обедом для библиотеки!

Тяжёлый «Атлас вымерших чудовищ» с разгона врезался в мой щит, оставив на нём трещину. За ним последовала целая стая «Пособий по некромантии», которые визжали на ультразвуке. Я чувствовала, как давление на мою магию нарастает с каждой секундой. Демоническая кровь требовала выпустить хаос и просто сжечь здесь всё дотла, но я знала: если я поддамся, архивы захлопнутся навсегда, похоронив нас под тоннами пепла.

— Адриан, быстрее! Я не смогу держать это вечно! — мой голос дрожал от напряжения.

— Почти... — его пальцы летали над голографической панелью с невероятной скоростью. — Нужно синхронизировать его с твоей частотой... Дай мне немного своего света!

— Что ты задумал?!

— Просто доверься мне, Снежинка! — он схватил меня за руку, и я почувствовала, как он вытягивает из меня тонкую нить магии.

Это было странное, почти интимное ощущение — чувствовать, как его техномагия переплетается с моим Порядком внутри этого железного ящика. На мгновение наши энергии слились, создавая нечто совершенно новое. Сканер вздрогнул, издал протяжный гудок и внезапно выпустил мягкую, золотистую волну, которая прокатилась по залу. Книжки, только что готовые разорвать нас на части, внезапно замерли в воздухе. Золотистый свет окутал их, успокаивая и заставляя медленно опускаться на свои места.

В архивах снова воцарилась тишина. Только тяжёлое дыхание Адриана и мой бешеный стук сердца нарушали этот покой.

— Ты... ты живой? — я медленно опустила руки, чувствуя, как ноги становятся ватными.

— Вроде того, — Адриан устало сполз на пол, прижимая к себе замолкший сканер. — Слушай, а твой Порядок не такой уж и бесполезный, когда его правильно откалибровать.

— Не смей больше направлять на меня свои игрушки, Адриан, — я оперлась о стеллаж, пытаясь унять дрожь в коленях. — Иначе следующая калибровка будет проводиться в твоём желудке.

— О, леди Дарина, какая экспрессия, — он слабо улыбнулся, вытирая пот со лба. — Но согласись, мы неплохо сработали. Как команда.

— Не называй это так. Это была вынужденная мера по спасению собственной шкуры, — я высокомерно вскинула подбородок, хотя понимала, что выгляжу сейчас далеко не по-королевски.

Адриан посмотрел на меня своим серым и зелёным глазами, и на мгновение в его взгляде промелькнуло что-то, кроме обычной иронии. Это было признание. Короткое, едва уловимое, но оно было там. Мы оба знали, что вчерашняя ничья — это не случайность, а результат того, что мы слишком похожи в своей силе и своём безумии. Но признать это вслух означало проиграть в нашей личной войне.

— Команда по уничтожению мебели, не иначе, — раздался голос Волиса из дверного проёма.

Домовой стоял там, скрестив руки на груди, и в его глазах читалось нескрываемое ехидство.

— Я вижу, вы решили, что простая сортировка — это слишком скучно, и добавили в процесс немного спецэффектов? — он окинул взглядом слегка подпаленные полки и нас, покрытых пылью. — Что ж, господин Адриан, ваш «анализатор» теперь официально запрещён на территории архивов. А вы, леди Дарина, можете гордиться тем, что «Живая история» теперь будет помнить вас как «Ту, Что Напугала Словари».

— Мы закончили, Волис? — я попыталась придать голосу властности, хотя больше всего на свете хотела в душ и спать.

— На сегодня — да. Но не обольщайтесь. Завтра нас ждёт сектор «Древних Проклятий». И поверьте, они кусаются гораздо больнее, чем эти милые книжки, — домовой развернулся и исчез в тени коридора, оставив нас одних.

Адриан поднялся, отряхивая штаны. Он выглядел задумчивым, что было на него совсем не похоже.

— Завтра будет весело, — бросил он, направляясь к выходу.

— Ненавижу тебя, — устало ответила я, следуя за ним.

— Я знаю, Снежинка. Я знаю.

Выходя из архивов, я чувствовала, как на город опускаются сумерки. Впереди был вечер, полный косых взглядов

и шепотков о нашем провале на Турнире. Но где-то глубоко внутри, там, где эльфийская сдержанность сталкивалась с демоническим азартом, я понимала: эта ссылка в архивы может стать чем-то гораздо более опасным, чем просто наказание. Мы начали учиться действовать вместе, и это пугало меня больше, чем любые кусачие книги. Потому что если мы научимся доверять друг другу, наш мир уже никогда не будет прежним.

Глава 4 Подарок с двойным дном

Адриан

Тронный зал Ведьмограда — это место, где пафос возведён в абсолют, а здравый смысл стыдливо прячется за тяжёлыми гобеленами с изображением великих побед. Потолки здесь настолько высокие, что, кажется, там живут собственные погодные системы, а эхо от каждого шага звучит так, будто ты только что наступил на хвост дракону. Мана-святильники лениво пульсируют холодным лавандовым светом, создавая атмосферу чего-то среднего между склепом аристократа и очень дорогим залом ожидания. Я сидел на неудобном резном стуле, чувствуя, как каждая деталь этого «торжественного момента» высасывает из меня жизнь быстрее, чем неисправный накопитель. Мои родители, Риан и Аля, стояли на возвышении, облачённые в такие тяжёлые мантии, что я искренне удивлялся, как они ещё не провалились сквозь мраморный пол.

Скука — это медленная пытка.

— Наш союз с Ведьмоградом — это не просто политический маневр, это фундамент нового мира, — вещал отец, и его голос отражался от стен, превращаясь в монотонный гул. — Техномагический прогресс требует стабильности, а стабильность возможна только через единство. Адриан, Дарина, вы — символы этого будущего. Вы должны нести этот свет

гордо и осознанно.

Я покосился на Дарину, сидевшую справа от меня. Если бы дисциплина была человеком, она бы выглядела именно так. Спина прямая, как натянутая струна, взгляд направлен строго в пустоту перед собой, а в руках — изящный планшет, где она прилежно фиксировала каждое слово моего отца. Она казалась идеальной статуей, высеченной из льда и магического Порядка, и это раздражало меня до зуда в зубах. Как можно быть настолько... правильной в мире, который буквально трещит по швам?

— Ты хотя бы моргаешь иногда? — шепнул я, не поворачивая головы. — Или тебя подзарядили перед началом?

— Я записываю стратегические тезисы, Адриан, — ответила она, едва шевельнув губами. — В отличие от тебя, я понимаю важность момента. И прекрати ёрзать, ты позоришь протокол.

О, протокол. Моё любимое слово после «взрыв» и «короткое замыкание».

Я решил, что пора внести в это унылое собрание немного научной точности. Незаметно вытащив из широкого рукава камзола свой последний шедевр — портативный анализатор психической энтропии, который я ласково называл «Скукометр 3000» — я активировал его лёгким касанием большого пальца. Небольшой линзовидный экран тут же вспыхнул, отображая уровень эмоционального фона в зале. Стрелка прибора не просто дрожала, она забилась в красную зону,

подтверждая мои худшие опасения: уровень скуки здесь достигал критических 98 процентов. Ещё пара минут такой речи, и у присутствующих начнется массовое разжижение мозга.

— Адриан, что это у тебя в руке? — мама прервала свою беседу с советником и бросила на меня предостерегающий взгляд. — Мы обсуждаем будущее империй, а ты снова возишься со своими железками?

— Это не железка, мам, это высокоточный инструмент для замера летаргического состояния аудитории, — я невинно улыбнулся, пряча прибор обратно в складки ткани. — И судя по его показаниям, империи рискуют уснуть раньше, чем наступит это самое будущее.

— Риан, твой сын неисправим, — вздохнула она, оборачиваясь к отцу. — Он видит в политике только повод для сарказма.

— Он просто молод, Аля, — Риан усмехнулся, хотя в его глазах всё же мелькнуло раздражение. — Но пришло время повзрослеть. Ваша поездка в Гномити станет первым серьёзным испытанием. Там не будет стен Ведьмограда, защищающих вас. Будет только ваша готовность действовать как единое целое.

Единое целое. Я и Дарина. Это как объединить масляную лампу и грозовой разряд — либо всё сгорит, либо свет будет таким ярким, что все ослепнут. Я представил, как мы будем «единым целым» в Гномити, и мне захотелось немедленно

катапультироваться из этого зала.

— Ты что-то сказал? — Дарина подозрительно прищурилась, продолжая строчить в своём планшете.

— Просто размышлял о том, сколько секунд мы продержимся без попыток аннигилировать друг друга, — честно признался я. — Ставлю на пять. Максимум семь, если по дороге нам дадут вкусный десерт.

— Твоё легкомыслие просто поразительно, — она наконец повернулась ко мне, и её стальные глаза с вертикальным зрачком сверкнули. — Мы едем туда, чтобы предотвратить мятеж Старой гвардии. Это война, Адриан. Не очередная дуэль в Академии.

— Война — это скучно, Дарина. В ней слишком много правил, — я откинулся на спинку стула, игнорируя её возмущённый вздох. — А вот саботаж — это уже творчество. Чувствуешь разницу?

В этот момент массивные двери в конце зала распахнулись с таким грохотом, будто их вынесли тараном. В зал ввалилась толпа официальных хроникеров и репортёров «Эфирного вестника». Вспышки фиксирующих кристаллов ослепили меня на мгновение, превращая величественные тены в хаотичный танец света. Мои родители тут же сменили выражение лиц на маски благородной мудрости. Это был сигнал. Шоу начиналось.

— А теперь, — голос отца стал в три раза громче и торжественнее, — для закрепления нашего союза перед лицом

народа, мы просим наследников продемонстрировать ту глубокую связь и привязанность, что объединяет их сердца!

Я чуть не подавился собственным языком.

— Чего они хотят? — прошептал я Дарине, чувствуя, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия.

— Они хотят публичного проявления симпатии, идиот, — сквозь зубы ответила она, натягивая на лицо фальшивую улыбку, которая выглядела так, будто она готовится откусить кому-то голову. — Встань и возьми меня за руку. Живо.

Я поднялся, чувствуя себя как кукла на ниточках. Камеры нацелились на нас. Родители смотрели с ожиданием, в котором читалось явное «сделай это, или мы лишим тебя финансирования на лабораторию». Дарина стояла рядом, пахнущая озоном и холодной яростью. Я протянул руку и накрыл её ладонь своей. Её кожа была прохладной, и я почувствовал, как по моим пальцам пробежал слабый разряд магии Порядка — её тело инстинктивно протестовало против физического контакта.

— Улыбайся, Адриан, — прошипела она, не меняя выражения лица. — Если ты сейчас сделаешь кислую мину, я заморожу твои сапоги прямо на ходу.

— Я само очарование, — я выдавил из себя самую «влюблённую» ухмылку, на которую был способен. — Надеюсь, на фото не будет видно, как ты меня ненавидишь.

— Народ должен верить в вашу любовь! — крикнул кто-то из репортёров. — Подойдите ближе! Обнимите друг дру-

га!

Мама одобрительно кивнула. Отец многозначительно кашлянул. Я почувствовал, как Дарина сделала шаг ко мне, прижимаясь плечом. Это было максимально странно. В голове пронеслись все наши прошлые стычки: взорванные котлы, испорченные платья, ядовитые комментарии. И вот теперь мы стоим здесь, имитируя страсть ради политики. Я обхватил её за талию, и она в ответ положила руку мне на плечо. Вспышки кристаллов слились в один сплошной поток света.

— Знаешь, а ты неплохая актриса, — заметил я, когда шум толпы стал чуть тише. — Почти не дрожишь.

— Это не дрожь, это концентрация, — отрезала она. — Я представляю, что ты — это просто неудобный предмет мебели. Так легче терпеть.

— Шкаф? Или, может, комод? — я притянул её чуть ближе, просто чтобы посмотреть, как она разозлится.

— Скорее мусорный бак, — её пальцы впились в моё плечо чуть сильнее, чем того требовал этикет. — Хватит прижиматься, Адриан. Ты переигрываешь.

— Родителям нравится, — я подмигнул ей, замечая, как Аля и Риан довольно перешёптываются. — Мы официально стали самой красивой ложью этого сезона.

Пресса продолжала бесноваться, требуя ещё больше подробностей их «страстного романа». Я смотрел на всё это безумие и понимал: поездка в Гномити действительно будет незабываемой. Там, в вертикальном городе неоновых огней

и тёмных переулков, нам не помогут вспышки камер и одобрительные взгляды родителей. Там нам придётся либо действительно стать командой, либо сгореть в первом же техномагическом взрыве, который для нас подготовят заговорщики.

— Поездка в Гномити... — я посмотрел на Дарину, которая уже начала вежливо отвечать на вопросы репортёров. — Это будет либо величайший провал в истории Архангелиона, либо самый весёлый саботаж в моей жизни.

— Это будет работа, Адриан, — она бросила на меня короткий, пронзительный взгляд. — И я не позволю тебе её испортить.

Я усмехнулся про себя. Она ещё не знала, что мои планы по «улучшению» нашего путешествия уже всю кипели в голове. Если мир хочет видеть свадьбу века, он её получит. Но я позабочусь о том, чтобы этот спектакль прошёл по моим правилам. Под маской влюблённого принца я буду искать предателя, а под маской послушного сына — искать способ сохранить свою свободу. И если для этого придётся ещё пару раз обнять «железную леди», что ж, это небольшая цена за спасение империи.

— Ну что, «невеста», — я снова сжал её руку, когда мы начали спускаться с помоста под шквал аплодисментов. — Готова к прыжку в бездну Гномити?

— Главное, чтобы ты не прыгнул туда первым, — парировала она.

Я чувствовал, как азарт начинает бурлить в крови. Наша фальшивая помолвка была идеальной приманкой, и я уже видел, как в тени тронного зала кто-то из советников нервно поправляет манжеты. Грань между притворством и реальностью начала стираться, и это было именно то, что мне нужно. Игра началась, и я не собирался проигрывать.

Гномити — это не город, это гигантский памятник человеческому самомнению, возведенный из стали, мана-кристаллов и плохого вкуса. Если вы когда-нибудь задумывались, как выглядит кошмарный сон инженера-электрика, додрвавшегося до неограниченного бюджета и запрещенных веществ, то добро пожаловать в Верхний ярус. Наш грави-корабль медленно швартовался у «Облачного причала», и я чувствовал, как от обилия ярких вывесок у меня начинает дергаться левый глаз. Весь этот город буквально вопил о прогрессе, но за блестящим фасадом я видел лишь бесконечные кабели, гудящие трансформаторы и тысячи людей, которые готовы продать душу за лишнее деление на индикаторе маны. Честно говоря, после пыльных архивов Ведьмограда, где мы с Дариной провели месяц, пытаюсь не придушить друг друга томами по юриспруденции, этот неон казался мне личным оскорблением.

Дом, милый дом, пахнущий озоном и безнадеей.

Я стоял у борта, облокотившись на начищенные до блеска перила, и пытался привести в чувство свой левый окуляр,

который после библиотечной потасовки начал периодически транслировать помехи вместо дополненной реальности. Дарина стояла рядом, прямая как палка, и выглядела так, будто она не из заплесневелого подвала вышла, а только что сошла с обложки журнала «Элитный Маг и Его Идеальная Осанка». Ни одной пылинки, ни одного выбившегося волоска. Иногда мне казалось, что у неё внутри вместо органов — набор швейцарских часов, которые тикают в идеальном ритме, отсчитывая секунды до моего очередного прокола.

— Мог бы хотя бы куртку почистить, Адриан, — не оборачиваясь, процедила она своим фирменным ледяным тоном. — Мы представляем две империи, а не гильдию старьевщиков с Нижних уровней.

— Эта куртка — символ моего творческого пути, Снежинка, — я лениво поправил воротник, игнорируя её замечание. — В каждой складке — история, в каждой царапине — драма. К тому же, в Гномити любят аутентичность. Они купят мой «поношенный вид» за бешеные деньги и попросят еще.

— Они купят твой вид только в том случае, если им понадобится пугало для мана-ворон, — отрезала она, и я увидел, как её губы едва заметно дрогнули в подобии улыбки. Победа. Вывести её на эмоции — это мой единственный способ выжить в этой атмосфере пафоса.

Корабль наконец замер, и гравитационный трап с мягким гулом коснулся платформы причала.

Там нас уже ждали. И если Гномити был памятником сомнению, то человек, стоящий в центре встречающей делегации, был его живым воплощением. Валериус. Советник семьи Дарины, мастер этикета и, по совместительству, главный претендент на звание «Самый Бесячий Эльф Столетия». Он стоял в окружении почетного караула, одетый в такой безупречный сюртук, что мне захотелось немедленно вылить на него стакан дешевого машинного масла. Его светлые волосы сияли в лучах заходящего солнца, а улыбка была настолько правильной, что её можно было использовать вместо линейки.

— Приветствуйте наследников! — его голос разнесся над причалом, бархатный и тошнотворно вежливый.

Я почувствовал, как у меня внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия. Этот парень был слишком идеален. А по моему опыту, за идеальным фасадом обычно скрывается либо труп в шкафу, либо план по захвату мира, либо и то, и другое сразу. Валериус направился к нам, и его походка была такой легкой, будто он не шел по металлу, а парил над ним на облаке собственного величия.

— Леди Дарина, — он склонился в глубоком поклоне, игнорируя моё существование с грацией профессионального сноба. — Ваше возвращение — это свет во мраке этих беспокойных дней. Мы все глубоко обеспокоены тем, через что вам пришлось пройти в этих... заброшенных залах.

— Благодарю, Валериус, — Дарина слегка кивнула, и я

заметил, как её плечи наконец расслабились. — Было... поучительно. Хотя некоторые обстоятельства делали пребывание там невыносимым.

— Эй, я всё еще здесь, если кто-то забыл! — вставил я, демонстративно помахав рукой. — И «обстоятельства» в моем лице спасли твою идеальную прическу от книги-убийцы, не забывай об этом.

Валериус наконец удостоил меня коротким, оценивающим взглядом, в котором читалось столько снисхождения, что им можно было бы заправлять небольшую электростанцию.

— Разумеется, мистер Адриан. Ваша... специфическая манера решать проблемы широко известна, — он снова повернулся к Дарине, и его глаза засияли фальшивой заботой. — Гномити сейчас — опасное место. Техномагические поля города стали нестабильны, и я подготовил для вас небольшой подарок, который поможет сгладить эти шероховатости.

Он извлек из кармана небольшую бархатную коробочку и открыл её с таким видом, будто там лежало сердце дракона, не меньше.

Внутри, на черном шелке, покоилась «Слеза порядка» — изящная заколка в форме капли, выполненная из серебристого металла с вкраплением лазурного кристалла. Вещица выглядела дорого, стильно и абсолютно невинно. Даже слишком невинно для этого города.

— Это техномагический стабилизатор, — мягко пояснил

Валериус. — Он настроен на вашу уникальную сигнатуру магии Порядка. В Гномити много хаотичного эфира, который может вызвать дискомфорт у такого тонко настроенного трибрида, как вы. Заколка создаст мягкий защитный купол вокруг вашего разума.

— О, Валериус... это так предусмотрительно, — прошептала Дарина, и я увидел, как её глаза заблестели. — Спасибо. Мне действительно иногда трудно сохранять концентрацию в таком шуме.

Я почувствовал, как по затылку пробежал холодок. Моя интуиция, которая обычно просыпается за секунду до взрыва мана-реактора, сейчас орала благим матом. Я незаметно коснулся оправы своих очков, активируя режим глубокого сканирования эфирных потоков. Картинка перед глазами дернулась, сетка дополненной реальности наложилась на реальный мир, подсвечивая источники энергии.

И тут я увидел это.

Внутри «Слезы порядка» пульсировал не ровный свет стабилизатора, а тонкая, едва заметная нить темно-фиолетового спектра. И я не знал, что это такое.

— Дарина, не трогай это, — сказал я, и мой голос прозвучал резче, чем я планировал.

Она уже протянула руку к коробочке, но замерла, недоуменно глядя на меня.

— В чем дело, Адриан? — её голос мгновенно стал холодным. — Опять решишь устроить сцену на ровном месте?

— Эта штука... она фонит, — я сделал шаг вперед, пытаюсь рассмотреть артефакт поближе. — У неё странная пульсация в фиолетовом спектре. Это не стабилизатор, Дарина. Это какая-то ловушка.

— О чем вы говорите, мистер Адриан? — Валериус удивленно приподнял бровь, и в его взгляде промелькнуло нечто, похожее на искру искреннего сочувствия. — Это изделие лучших мастеров Ведьмограда. Я лично проверял его на совместимость с магией леди Дарины.

— Значит, ты хреновый проверяльщик, — отрезал я, протягивая руку, чтобы забрать коробочку. — Дай мне её, я прогоню её через дешифратор в моей лаборатории. Пять минут, и мы узнаем, что там внутри на самом деле.

— Довольно! — Дарина резко оттолкнула мою руку. — Адриан, это уже переходит все границы. Сначала ты взрываешь арену, потом затаскиваешь меня в этот пыльный ад библиотеки, а теперь обвиняешь Валериуса в заговоре только потому, что тебе не подарили новую блестящую отвертку?

— Дарина, послушай меня, я не шучу! — я почти кричал, чувствуя, как бессильная ярость закипает в груди. — Твои глаза... ты не видишь того, что вижу я через эти линзы! Эта дрянь опасна!

— То, что я вижу, Адриан, — она с вызовом посмотрела мне в глаза, и её вертикальные зрачки сузились, — это завистливого, невоспитанного подростка, который не может пережить, что кто-то ведет себя достойно своего титула. Ты

патологически ревнив к любому проявлению порядка и чужой заботы.

Она демонстративно взяла заколку и закрепила её в своих иссиня-черных волосах, прямо над белой прядью.

Ничего не произошло. Ни взрыва, ни вспышки. Дарина лишь глубоко вздохнула и слегка улыбнулась.

— Видишь? — она повернулась к Валериусу. — Шум... он действительно утих. Спасибо, это именно то, что мне было нужно.

Валериус мягко улыбнулся, и в этой улыбке я прочитал свой смертный приговор. Он победил в этом раунде, даже не вступая в спор. Он просто позволил мне выставить себя идиотом перед единственным человеком, чьё мнение мне было небезразлично.

— Мне очень жаль, леди Дарина, — вкрадчиво произнес эльф, бросив на меня короткий взгляд. — Возможно, мистеру Адриану просто нужно время, чтобы адаптироваться к ритму города. Гномити часто вызывает паранойю у... неокрепших умов.

— Пошел ты, Валериус, — бросил я, чувствуя, как кулаки сжимаются до хруста.

— Адриан! — Дарина вскрикнула от возмущения. — Извинись немедленно!

— Оставь его, Дарина, — Валериус великодушно махнул рукой. — Я не принимаю на свой счет слова человека, который находится в таком... эмоциональном состоянии. Пой-

демте, нас ждет официальный прием в «Неоновом замке». Ваши родители уже там.

Они пошли вперед по причалу, ведя светскую беседу о погоде и политических интригах, а я остался стоять у трапа, чувствуя себя последним дураком в этом городе огней. Мои окуляры продолжали фиксировать зловещую фиолетовую пульсацию в волосах Дарины, но теперь этот свет казался мне насмешкой. Она не верила мне. Она верила этой ходячей иллюзии совершенства.

Я сплюнул на безупречно чистый металл платформы и поправил сумку с инструментами.

— Ладно, — прошептал я себе под нос, глядя им в спины. — Играйте в свою идеальную жизнь. Но когда эта штука начнет выжигать тебе мозги, Снежинка, не говори, что я не пытался тебя спасти.

Вокруг нас Гномити продолжал жить своей безумной, механической жизнью. Грави-платформы сновали туда-сюда, неоновые вывески предлагали купить счастье в кредит, а где-то в глубине этого вертикального монстра уже зрело что-то темное и холодное. Я чувствовал это кожей, как приближение грозы. И самое паршивое было то, что я был единственным, кто видел тучи на этом безоблачном, искусственном небе.

Если бы пафос можно было перерабатывать в топливо, торжественное открытие Панорамного моста в Верхнем Гно-

мити обеспечило бы энергией половину империи на ближайшее десятилетие. Я стоял, прислонившись к холодной титановой опоре, и изо всех сил старался не закатывать глаза так сильно, чтобы они не застряли в затылке. Вокруг меня бурлила жизнь «высшего общества»: дамы в платьях из жидкого шелка, господа в мундирах, расшитых мана-кристаллами, и бесконечный, приторно-сладкий запах дорогого парфюма и лицемерия. Под ногами, сквозь прозрачные панели сверхпрочного стекла, раскинулась бездна Гномити — светящийся неоновый океан, пульсирующий кабелями и гравитационными потоками.

Добро пожаловать на вершину мира, где каждый улыбается так, будто у него вместо сердца — золотой слиток.

Мои родители, Риан и Аля, стояли неподалеку, ведя неспешные беседы с послами Ведьмограда. Отец выглядел так, будто мечтал сменить этот парадный сюртук на старую куртку и залезть в недра какого-нибудь старого дроида, а мама... мама просто была идеальной, как и всегда. Но моё внимание было приковано не к ним. В паре метров от меня Дарина, эта ходячая энциклопедия дисциплины и ледяного спокойствия, вела светскую беседу с Валериусом. Смотреть на них было физически больно: он, весь такой безупречный и заботливый, и она, медленно, но верно попадающая под его приторное обаяние.

— Адриан, ты снова выглядишь так, будто планируешь поджог, — прошептала подошедшая мать, едва коснувшись

моего локтя. — Постарайся хотя бы сегодня обойтись без техномагических катастроф.

— Я само спокойствие, мам, — я выдавил из себя подобие улыбки, поправляя на переносице свои модифицированные окуляры. — Просто проверяю, не треснуло ли стекло от такого количества самодовольства в радиусе пяти метров.

— Просто веди себя прилично, — она вздохнула и вернулась к гостям.

Легко сказать «веди себя прилично», когда у тебя под носом разворачивается дешевая театральная постановка. Я незаметно активировал линзу правого окуляра, переключая его в режим детекции скрытых частот. Мой техномагический стабилизатор, который я собрал из обломков старого сканера, тихо пискнул в наушнике, подтверждая, что в эфире Гномити творится что-то неладное. На причале «Неонового замка» Валериус подарил Дарине ту самую заколку, и я до сих пор чувствовал, как у меня зудят ладони от желания сорвать эту дрянь с её волос. Но сейчас было не до этого.

Торжественный момент настал. Мэр Гномити, маленький и суетливый эльф в цилиндре, размашисто перерезал ленточку, и мост вспыхнул бирюзовым светом. Толпа ахнула. Музыка заиграла громче, и в этот момент реальность решила, что пришла пора для грандиозного финала.

Первый выстрел прозвучал не как хлопок, а как сухой треск рвущегося пространства.

Магический заряд ударил в одну из декоративных колонн,

превращая её в облако каменной крошки и искр. Крики ужаса мгновенно заглушили оркестр. Люди бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног. Я инстинктивно пригнулся, выхватывая из-за пояса универсальную отвертку-излучатель, но тут же замер, увидев, как Валериус картинно заслоняет собой Дарину. Его руки взметнулись вверх, и перед ними вырос безупречный, мерцающий щит Порядка, о который разбился второй залп наемников, засевших на крышах соседних небоскребов.

— Держись за меня, Дарина! — его голос прозвучал так героически, что мне захотелось сплюнуть. — Я не позволю им коснуться тебя!

— Валериус, их слишком много! — выкрикнула Дарина, её глаза лихорадочно искали источник атаки.

Я не стал бежать к ним. Вместо этого я выкрутил чувствительность окуляров на максимум. Мир вокруг посерел, превращаясь в сетку эфирных потоков. Действия Валериуса показались мне слишком театральными, буд-то он специально спровоцировал этот цирк.

Это был чертов спектакль. Кровавый, дорогой и идеально просчитанный спектакль для завоевания абсолютного доверия наследницы Ведьмограда.

— Ах ты ж змеиный сын... — прошипел я, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

Валериус в очередной раз «героически» отбил заклинание, которое, судя по траектории, вообще должно было про-

лететь мимо, но он эффектно перехватил его в метре от лица Дарины. Она смотрела на него с таким восхищением и благодарностью, что у меня внутри всё перевернулось. Если я сейчас просто крикну «он предатель», она мне не поверит. Для неё я — ревнивый бунтарь с манией преследования. Чтобы разоблачить этот цирк, мне нужно было вытащить её из этой зоны комфортного героизма.

Я оценил обстановку. Мост был заблокирован с обеих сторон «случайными» обвалами. До выхода — вечность. Но прямо под нами, скрытый за слоем фальш-панелей, находился технический сектор.

— Дарина, уходи от него! — заорал я, бросаясь вперед сквозь толпу паникующих аристократов.

— Адриан, назад! Ты мешаешь Валериусу! — она даже не обернулась, полностью сосредоточенная на защите, которую создавал этот эльфийский лжец.

— Да он тебя сейчас сам и прикончит, когда сценарий сменится! — я подлетел к ним, игнорируя ледяной взгляд Валериуса.

Эльф на мгновение отвел руку, и я увидел, как его перстень вспыхнул трижды. Тройной залп. Это уже было не для шоу — это было для того, чтобы «случайно» ранить её и стать единственным спасителем, который унесет её на руках.

— Извини, Снежинка, но сегодня ты идешь со мной, — я не стал тратить время на объяснения.

Я рванул вперед, врезаясь плечом в Валериуса, чтобы

сбить его концентрацию. Тот охнул, его щит на мгновение дрогнул, и я, не давая Дарине опомниться, обхватил её за талию. Она попыталась ударить меня магией Порядка, но я уже активировал на своем запястье импульсный глушитель. Воздух вокруг нас на секунду схлопнулся, блокируя любые заклинания.

— Пусти меня, безумец! Ты нас погубишь! — закричала она, пытаясь вырваться.

— Скорее спасу от слишком хорошего сервиса! — я пнул ногой декоративную панель пола, под которой скрывался технический люк мусоропроводного коллектора.

Металлическая крышка с грохотом отлетела в сторону. Из темного зева люка пахло старым маслом, озоном и чем-то подозрительно напоминающим вчерашний ужин из столовой Нижних уровней. Валериус, восстановив равновесие, уже тянул к нам руку, и в его глазах больше не было доброты — там плескалась чистая, нефильТРованная ненависть.

— Адриан, остановись! Это государственная измена! — закричал он, призывая магию Нулевой Точки.

— Ага, запиши в мой счет! — я крепче прижал к себе брыкающуюся Дарину и, не раздумывая больше ни секунды, прыгнул в бездну.

Падение было коротким и крайне неприятным. Мы пролетели метров десять по наклонному желобу, обитому листами нержавеющей стали, прежде чем вывалиться в распределительный бак. Удар о кучу смятых пластиковых упаковок

и старой ветоши вышиб из меня дух. Дарина приземлилась сверху, и, судя по её лицу, она прямо сейчас выбирала способ моей казни.

В коллекторе было темно, лишь где-то наверху, в проеме люка, мелькали вспышки выстрелов и крики.

— Ты... ты... — Дарина задыхалась от ярости, пытаясь подняться на ноги в куче мусора. — Ты похитил меня! Ты сорвал мое спасение! Валериус рисковал жизнью, а ты просто... ты просто завистливый маньяк, Адриан!

— Да, я маньяк с отличным зрением, — я тоже поднялся, отряхивая с куртки какую-то подозрительную слизь. — А твой Валериус — дирижер этого обстрела. Посмотри наверх, Дарина. Видишь, как затихли выстрелы, стоит нам только исчезнуть с его радаров?

— Это потому что он борется с ними! — она шагнула ко мне, и в её глазах вспыхнули искры демонической ярости. — Ты разрушил всё. Мою репутацию, наш союз, безопасность Гномити. Мои родители... они решат, что ты сошел с ума!

— Пусть решают что угодно, — я подошел к ней вплотную, игнорируя её поднятую для удара руку. — Но пока ты со мной в этом вонючем подвале, ты жива. А там, наверху, ты была всего лишь трофеем в его игре.

— Я ненавижу тебя, Адриан, — прошипела она, её голос дрожал от напряжения.

— Становись в очередь, Снежинка, — я усмехнулся, хотя сердце в груди колотилось как сумасшедшее. — А теперь

помолчи и слушай. Нам нужно выбраться отсюда до того, как его ищейки поймут, в какой именно мусоропровод мы смылись.

Дарина замерла, прислушиваясь к гулу труб над нашей головой. Она всё ещё считала меня похитителем, но её инстинкт трибрида уже начал подсказывать ей, что в тишине этого коллектора больше правды, чем во всем сиянии Панорамного моста. Я знал, что в её глазах я сейчас — главный злодей этой истории. Но если это цена за то, чтобы она не стала марионеткой в руках Валериуса, я готов был носить это звание с гордостью.

— Куда теперь? — наконец спросила она ледяным тоном, который не обещал мне ничего хорошего в будущем.

— В Нижний город, — я указал на узкий технический лаз. — Там у меня есть друзья, которые не задают лишних вопросов. И там твой идеальный эльф не сможет нас достать своими чистенькими ручками.

Мы двинулись вглубь лабиринта Гномити, оставляя позади свет верхних ярусов. Я чувствовал на себе её гневный взгляд и понимал: наш настоящий «роман» только что начался, и он будет пахнуть не розами, а порохом и старым железом. Но это было гораздо честнее, чем любая из его улыбок.

— Адриан, если я выживу, я превращу тебя в садового гнома и поставлю у входа в туалет! — прошипела она, пытаюсь выкарабкаться из груды отходов.

— О, какая оригинальная фантазия, Снежинка! — я наконец выдернул ногу и протянул ей руку. — Но согласишься, это было эффективнее, чем если бы мы просто ушли через парадный вход.

— Ты сумасшедший! — она проигнорировала мою ладонь, опираясь на обломок какой-то трубы. — Валериус... он же защищал нас! А ты просто взял и смыл нас в унитаз всей империи! Ты понимаешь, что сейчас происходит наверху? Там паника, там охрана ищет похитителей, а ты сидишь здесь и шутишь про гномов!

— Твой Валериус защищал нас так же искренне, как я люблю утренние лекции по этикету, — я переключил окуляры в режим тепловизора. — Я видел сигнал его перстня. Он сам навел этих снайперов. Это была постановка, Дарина. Ты была для него просто реквизитом.

Дарина замерла. На мгновение в её взгляде промелькнуло сомнение, но она тут же взяла себя в руки, выпрямив спину даже в этой куче мусора.

— Ты просто ревнуешь, — холодно отчеканила она. — Тебе невыносима мысль, что кто-то может быть благороднее и сильнее тебя. Поэтому ты придумал этот заговор.

— Да, конечно, я мечтал провести вечер в компании гнилых очисток только из-за ревности, — я саркастично поклонился.

В этот момент тишину коллектора прорезал пронзительный, вибрирующий звук. Это не был голос или крик. Это был

звук работающих роторов — сухой, механический и предельно агрессивный. Я поднял голову и увидел, как из вентиляционной шахты вылетают три темных силуэта. Дроны-утилизаторы модели «Чистильщик-9». Обычно они собирают крупный мусор, но эти малютки были перепрограммированы: вместо манипуляторов у них вращались лазерные резакки, а в центре корпуса горел недружелюбный красный фоторецептор.

— Кажется, у нас гости, — я выхватил свой универсальный излучатель, лихорадочно пытаюсь вспомнить, сколько заряда осталось в кристалле.

— Они не похожи на мусорщиков, — Дарина вскинула руку, и вокруг её пальцев заструился холодный белый свет.

— Потому что они охотники, — я нажал на кнопку активации. — Валериус решил прибраться за собой.

Дроны не стали тратить время на приветствия. Первый из них спикировал вниз, выпуская веер искр от своих резаков. Я выстрелил, но мой прибор лишь обиженно пискнул и выдал облако бесполезного пара. Черт, ЭМИ-модуль забился слизью при падении! Дарина выпустила ледяную стрелу, которая вдребезги разбилась о силовую щит дрона. В замкнутом пространстве коллектора её магия порядка была ограничена — здесь царил хаос, и структура пространства постоянно менялась из-за вибрации труб и потоков сточных масс.

— Адриан, сделай что-нибудь своей хваленной техномагией! — крикнула она, уворачиваясь от лазерного луча, кото-

рый прожег дыру в стене прямо над её плечом.

— Я работаю над этим! — я лихорадочно ковырял корпус излучателя отверткой, стараясь не обращать внимания на второго дрона, который уже заходил нам в тыл.

Ситуация была патовая. Мы стояли спина к спине в вонючем баке, окруженные летающими мясорубками, и мои шансы на героическое спасение стремились к нулю. Я уже приготовился к тому, что наше путешествие закончится заголовком в завтрашних газетах: «Наследники погибли в мусоре», как вдруг откуда-то сверху, из сплетения труб, раздался резкий, залихватский свист.

— Эй, жестянки! Масло потекло? — крикнул звонкий мальчишеский голос.

В воздухе что-то блеснуло. Две небольшие сферы, обмотанные медной проволокой и утыканные светящимися грибами, врезались в центрального дрона. Раздался не взрыв, а мощный, сухой хлопок. Волна голубоватого электричества прошла по коллектору, заставив мои волосы встать дыбом, а дроны — мгновенно заглухнуть и рухнуть в мусор бесполезными кусками металла.

— Ого, сработало! — раздался второй голос, на этот раз девичий. — Торн, ты видел? Импульс пробил даже их двойное экранирование!

Я поднял взгляд. На толстой трубе паропровода сидели двое. Парнишка лет девятнадцати, крепкий, с испачканным сажей лицом и очками на лбу — вылитая копия Тарка, если

бы тот внезапно помолодел и перестал ворчать. И девочка, чуть старше, стройная и гибкая, с кожей оливкового оттенка и вплетенными в волосы живыми лианами, которые пульсировали мягким зеленым светом. В её глазах, полностью белых, на мгновение затухало свечение транса.

— Вы еще кто такие? — я опустил бесполезный излучатель, не зная, радоваться мне или начинать бояться еще сильнее.

— Мы — твоя единственная надежда не превратиться в паштет, — парень, которого назвали Торном, ловко спрыгнул вниз, приземлившись на кучу пластика с грацией опытного диверсанта. — Идемте, пока вторая волна не прилетела. Валериус не любит оставлять свидетелей.

— Откуда вы знаете про Валериуса? — Дарина подозрительно прищурилась, её магия всё еще искрила на кончиках пальцев.

— Мы много чего знаем, наследница Ведьмограда, — девочка-дриада спустилась следом, двигаясь бесшумно, словно тень. — Моя мать, Ланда, видела ваше прибытие в своих снах. И поверьте, в тех снах не было ничего приятного.

— Ланда? И Тарк? — я почувствовал, как челюсть медленно ползет вниз. — Те самые Тарк и Ланда, которые...

— Которые спасали твоих родителей еще до того, как ты научился ломать артефакты, — Торн ухмыльнулся, демонстрируя щербинку между зубами. — Идемте быстрее. Здесь повсюду уши Старой гвардии. Мы отведем вас в «Корни».

Там безопасно.

Они вели нас через такие дебри Нижнего города, о существовании которых не догадывались даже создатели карт Гномити. Мы пролезали сквозь узкие лазы, балансировали на ржавых балках над пропастями, где внизу ревели потоки маны, и петляли в лабиринтах кабелей. Дарина молчала, но я видел, как она напряжена. Для неё этот мир был олицетворением хаоса, который она так старательно пыталась искоренить. Для меня же здесь всё дышало жизнью — неправильной, грязной, но настоящей техномагической энергией.

Наконец мы оказались в просторном помещении, скрытом за гигантским маховиком старой насосной станции. Это было странное место: техномагия здесь переплеталась с живой природой. Стены были оплетены корнями, которые светились мягким фосфорическим светом, заменяя лампы, а на столах лежали разобранные механизмы вперемешку с магическими травами.

— Добро пожаловать в убежище, — Торн бросил на стол свои ЭМИ-ловушки.

— Мои родители... они живы? — Дарина подошла к дриаде, её голос впервые за вечер дрогнул.

— Все живы, — девочка, которую звали Искра, коснулась руки Дарины, и по её коже пробежала волна успокаивающего зеленого света. — Но мир, который вы знали, трещит по швам. Ваша помолвка — это не просто свадьба, это детонатор. Старая гвардия использует её, чтобы спровоцировать

взрыв, который уничтожит и Архангелион, и Ведьмоград.

Я подошел к стене, на которой висела старая, потертая фотография. На ней были шестеро: мои родители, Аля и Риан, родители Дарины и двое их верных друзей — гном с очками на лбу и дриада с пронзительным взглядом. Они улыбались, и в их глазах была та самая уверенность, которой нам сейчас так не хватало.

— Значит, наши семьи связаны сильнее, чем мы думали, — пробормотал я, чувствуя странный укол совести за свои шуточки.

— Связаны клятвой, которую вам придется исполнить, — Искра вдруг резко выпрямилась.

Её глаза снова стали полностью белыми, а вены на висках потемнели, наливаясь магической мощью. Воздух в комнате стал густым и холодным. Торн мгновенно затих, почтительно отступив в тень. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок: я видел это раньше на старых записях — так проявлялся дар «всевидящего ока».

— Слушайте, наследники пепла и порядка, — голос Искры изменился, стал глубоким и многоголосым. — Вы стоите на краю бездны. Один тянет в хаос, другая — в неволю.

— Что за театральщина? — я попытался иронизировать, но голос подвел меня, превратившись в хрип.

— Молчи, Адриан! — Дарина схватила меня за руку, и её пальцы были ледяными.

— Вы — две искры, брошенные в пороховой погреб, —

продолжала Искра, глядя сквозь нас. — Если вы останетесь врагами, пламя сожрет империи до основания. Если вы станете союзом, вы выкуете новый мир. Но помните: союз, рожденный из лжи, станет ядом для всех.

Она качнулась, и Торн подхватил её прежде, чем она упала. Транс закончился так же внезапно, как и начался. В комнате снова воцарилась тишина, нарушаемая только мерным гулом насосов где-то вдалеке.

— Ну вот, опять, — проворчал Торн, усаживая сестру на стул. — Всегда одно и то же: «пепел», «бездна», «спасение». Хоть бы раз предсказала, где найти запасные детали для генератора.

— Это было... жутко, — призналась Дарина, не выпуская моей руки.

Она вдруг осознала это и резко отдернула ладонь, словно обжегшись. Мы стояли в этом странном убежище, среди корней и проводов, и я впервые посмотрел на неё не как на заносчивую отличницу, которая мешает мне жить, а как на человека, который заперт в той же клетке судьбы, что и я.

— Союз, рожденный из лжи, — повторил я её слова. — Она говорит про нашу фальшивую помолвку.

Я посмотрел на Трна и Искру. Эти дети Нижнего города были живым напоминанием о том, что история наших родителей еще не закончена. Мы были их продолжением, их вторым шансом. И если для спасения империй нам нужно было притвориться влюбленными, я был готов играть эту роль до

конца. Даже если в процессе мне придется еще не раз прыгнуть в мусоропровод.

— Мы поможем вам выбраться на поверхность, — сказал Торн, вытирая руки ветошью. — Но дальше вам придется действовать самим

— И помните слова, — добавила дриада, приходя в себя. — Грань между притворством и правдой тоньше, чем вам кажется. Не пораньтесь об неё.

Мы с Дариной переглянулись. В её стальных глазах я увидел не только решимость, но и тень того самого страха, который она так тщательно скрывала. Мы были одни против всех, в самом сердце мегаполиса, который хотел нашей смерти. И ирония судьбы заключалась в том, что единственный человек, которому я мог сейчас доверять, был моим самым заклятым врагом.

— Что ж, — я подмигнул ей, чувствуя, как внутри просыпается азарт. — Пойдем, «невеста». У нас еще много дел. Нужно выбрать торт, пригласить гостей и... ну, знаешь, облачить заговор мирового масштаба.

— Я всё еще ненавижу тебя, — напомнила она, направляясь к выходу вслед за близнецами.

— Разумеется. Но теперь ты ненавидишь меня в одной команде со мной. А это уже прогресс.

Глава 5 Пыльный архив

Если бы за возвращение из эпицентра техногенного ада полагались медали, мы с Дариной сейчас бы позвякивали золотом на каждом шагу. Но реальность Академии Ведьмограда — это не парадный марш под фанфары, а холодный душ из бюрократии и ледяного презрения. Мы стояли перед врагами, выглядя как пара беженцев, которые только что проиграли битву с промышленным пылесосом. От меня несло горелым озоном и тем самым специфическим амбре гномитских коллекторов, которое не берет даже самая ядреная эльфийская парфюмерия. Дарина, впрочем, умудрялась сохранять спину прямой, хотя ее безупречное платье теперь напоминало половую тряпку, пережившую восстание стиральных машин.

Добро пожаловать домой, герои недоделанные.

Вместо почетного караула у входа нас ждали две вещи: гробовая тишина и Драгунья Мистефовна, которая смотрела на нас так, словно мы — это особо злостный вид плесени, проросший на ее любимой кафедре. Ректор скрестила руки на груди, и воздух вокруг нее начал подозрительно вибрировать от избытка магии Порядка. Она явно не собиралась спрашивать, как там поживает прогресс в Гномити или не сильно ли мы ушиблись, прыгая в мусоропровод. В ее глазах читался только один приговор: «Прогул. Масштабный.

Непростительный».

— Ваша «дипломатическая миссия», — ректор выделила это слово так, будто оно было пропитано ядом, — должна была занять ровно двадцать четыре часа.

— Там были обстоятельства, — попытался вставить я, поправляя свои треснувшие окуляры. — Ну, знаете, мятеж, взрывы, предательство... Мелочи жизни.

— Обстоятельства, мистер Адриан, не отменяют учебный план и правила внутреннего распорядка, — отрезала Мистефовна, и ее голос прозвучал как захлопывающаяся крышка гроба. — Вы отсутствовали неделю. Без официального разрешения. Без уведомления администрации. Пока вы там «спасали жизни», здесь копились долги по магии права и техномагической этике.

Дарина сделала шаг вперед, пытаясь включить режим «идеальной наследницы».

— Госпожа ректор, мы действовали в интересах обеих империй. Валериус может подтвердить...

— Валериус, — перебила ее Драгунья, — сообщил, что вы бесследно исчезли во время беспорядков, проигнорировав его приказы о немедленной эвакуации. По его словам, ваше поведение было верхом безответственности. Поэтому, вместо наград за сомнительный героизм, вы получаете дисциплинарное взыскание. Максимальное.

Я почувствовал, как внутри начинает закипать ярость. Этот эльфийский гад не просто подставил нас под огонь, он

еще и успел настучать первым, выставив нас капризными подростками, решившими погулять в разгар войны. И самое паршивое, что Дарина, судя по ее поджатым губам, все еще верила каждому его слову. Для нее Валериус оставался образцом чести, а я — источником хаоса, который все испортил.

— Опять архивы? — обреченно спросил я, уже зная ответ.

— Опять, — подтвердила ректор с едва заметной садистской искоркой в глазах. — И на этот раз Волис получил четкие инструкции: никакой пощады. Вы будете работать там до тех пор, пока сектор «Живой истории» не перестанет пытаться откусить руки любому входящему. Идите. Сейчас же.

Путь к архивам пролегал через те самые коридоры, где еще недавно мы изображали влюбленную парочку для прессы. Сейчас мы больше походили на двух призраков, бредущих на собственную казнь. Дарина шла впереди, и от ее затылка буквально веяло холодом, способным заморозить небольшой океан. Я тащился следом, разглядывая ржавые потеки на стенах и думая о том, что Гномити с его маньяками-дронами был не таким уж и плохим местом.

— Ты слышала это? — не выдержал я. — Он нас подставил! Валериус специально сказал ей, что мы сбежали.

— Он просто доложил факты, Адриан, — Дарина не обернулась. — Мы действительно не эвакуировались. Мы прыгнули в люк. По твоей инициативе.

— Потому что в нас стреляли по его команде! — я почти

перешел на крик, но вовремя вспомнил про эхо.

— Доказательства, — она резко остановилась и развернулась ко мне. — У тебя есть хоть одно вещественное доказательство, кроме твоих параноидальных теорий и «странных сигналов» в окулярах? Он спас нас. Он выставил щит. А ты видишь заговоры там, где есть только твое уязвленное эго.

Я задохнулся от возмущения, но ответить не успел — мы уже стояли перед тяжелыми дверями подземного книгохранилища. Замок щелкнул, и двери медленно разошлись, выпуская наружу запах вековой пыли, засохших чернил и плохого настроения. В центре зала, за массивным столом из черного дерева, восседал Волис. Домовой выглядел так, будто все это время он не выходил из библиотеки, питаясь исключительно чужими прогулами и занудными комментариями к магическим кодексам.

— О, блудные наследники соизволили вернуться, — Волис даже не поднял головы от своего манускрипта. — Я уж думал, вы решили окончательно ассимилироваться с мусором в Гномити. Говорят, там сейчас модно выглядеть как жертва взрыва на мана-заправке.

Он медленно поднял взгляд, и на его лице расцвела самая ехидная ухмылка из всех, что я видел за свою жизнь.

— Привет, Волис. Рады видеть, что твой сарказм все еще в отличной форме, — буркнул я.

— Мой сарказм — единственная вещь, которая не покрывается плесенью в этом склепе, — домовый спрыгнул со сту-

ла, одергивая свой крошечный сюртук. — В отличие от ваших репутаций. Мистефовна прислала распоряжение. Похоже, вы задолжали мне примерно... вечность исправительных работ.

Он щелкнул пальцами, и в воздухе перед нами материализовались две тяжелые швабры и ведро с какой-то подозрительно светящейся зеленой жижой. Дарина посмотрела на швабру так, будто это был ядовитый слизень, но послушно взяла инструмент в руки. Ее достоинство сейчас держалось на честном слове и магических фиксаторах, но правила были правилами.

— Мы готовы к работе, — холодно произнесла она.

— Еще бы вы были не готовы, — фыркнул Волис. — Сектор «Живой истории», третий ярус. Там вчера проснулись хроники Пятой Эпохи, и теперь они пытаются переписать реальность в радиусе пяти метров. Ваша задача: вымыть пол, не попадая во временные петли, и расставить книги по алфавиту. И упаси вас боги магии, если я услышу хоть один техномагический писк!

Мы поплелись к лестнице. Третий ярус встретил нас подозрительным шепотом сотен страниц. Книги здесь не просто стояли на полках — они дышали, шевелились и периодически обменивались колкостями. Одна особенно толстая энциклопедия по демонологии попыталась цапнуть меня за ботинок, когда я проходил мимо, но я ловко отпихнул ее шваброй. Работа обещала быть долгой, нудной и предельно

унизительной.

Дарина начала методично возить шваброй по полу, создавая вокруг себя зону стерильного порядка.

— Это несправедливо, — простонал я, окуная свою швабру в ведро. — Мы только что предотвратили катастрофу, а теперь я драю полы в подвале.

— Справедливость — это философская концепция, не имеющая отношения к уставу Академии, — Дарина даже не сбилась с ритма. — Если бы ты не устроил шоу на причале, мы бы сейчас пили чай в Гномити и обсуждали детали официального союза.

— Мы бы сейчас были мертвы или под ментальным контролем! — я бросил швабру и подошел к ней ближе, переходя на шепот. — Дарина, послушай. У нас есть улики. Те карты, которые мы нашли в убежище Флинта и Ивы. Там четко указаны точки саботажа.

— Это могли быть просто старые чертежи, — она упорно продолжала мыть пол, избегая моего взгляда. — Любой может нарисовать кружочки на карте.

Я схватил ее за руку, заставляя остановиться. Она вскинула голову, и в ее глазах на мгновение промелькнула та самая сталь, которую я видел на арене. Но под этой сталью была усталость. Огромная, выматывающая усталость человека, который всю жизнь строил стены вокруг себя, а теперь видит, как они рушатся.

— Ты сама видела его перстень, — напомнил я. — Ты чув-

ствовала, как затих шум, когда надела ту заколку. Это была ловушка, Дарина. Валериус — внук Радиоса. Он хочет вернуть власть Старой гвардии. Он использует твою веру в Порядок против тебя же.

— Замолчи, Адриан, — прошептала она, и ее голос дрогнул. — Если ты прав... если ты действительно прав, то вся моя жизнь, все мои убеждения — это просто декорация для чьей-то игры. Я не могу... не сейчас.

Она вырвала руку и снова принялась за работу, но теперь ее движения были лихорадочными и неточными. Я видел, как на пол капает не только вода из ведра, но и ее самообладание. Мы оба понимали: здесь, в тишине архивов, под надзором ворчливого домового, мы были в ловушке. Но эта ловушка давала нам время. Время, чтобы изучить те документы, которые я успел спрятать под подкладку куртки перед тем, как нас обыскали.

— Эй, вы там! — донесся снизу голос Волиса. — Меньше разговоров, больше пены! Если я увижу хоть одну пылинку на «Хрониках», вы будете переписывать их вручную до следующего полнолуния!

— Идем, Волис, мы просто обсуждаем классификацию плесени! — крикнул я в ответ.

— Очень на тебя похоже, Адриан! — съязвил хранитель. Я вернулся к своей швабре, но мысли мои были далеко от чистоты пола. Нам нужно было расшифровать те записи. Нам нужно было найти способ связаться с нашими родителя-

ми, минуя официальные каналы, которые, скорее всего, уже прослушивались Валериусом. Но прежде всего, мне нужно было заставить Дарину поверить мне окончательно. Без этой веры наш «страстный роман» так и останется просто глупой инсценировкой, которая приведет нас прямиком на эшафот.

— Мы найдем способ доказать это, — тихо сказал я, не глядя на нее. — Даже если нам придется перевернуть весь этот архив вверх дном.

Дарина ничего не ответила, но я заметил, как она едва заметно кивнула. Швабра в ее руках задвигалась увереннее. Мы были наказаны, унижены и заперты в подвале, но у нас была общая тайна. И в этом мире, где магия и технологии сплелись в смертельный узел, общая тайна была дороже любого мана-кристалла. Сектор «Живой истории» продолжал шептать свои секреты, а мы продолжали драить полы, готовясь к главной битве в нашей жизни.

Если вы думали, что чистить полы в подzemелье с помощью швабры и ведра с флуоресцентными соплями — это дно моей карьеры, то спешу вас расстроить. Это был лишь аперитив перед основным блюдом из пыли, древних проклятий и ледяного молчания Дарины. Моя «железная леди» терла камни так неистово, будто надеялась проковырять дыру прямиком в центр планеты и сбежать отсюда к демоновой бабушке. Я же просто пытался не сдохнуть от скуки, гадая, сколько еще «милых книжек» попытаются попробовать мои

лодыжки на вкус, прежде чем мы закончим этот цирк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.